

Янтарный телескоп
Филип Пулман

Золотой компас (АСТ) Тёмные начала #3

Во всевозможных параллельных мирах силы небес и земли готовы сразиться в эпической битве! Могущественный лорд Азриэл собирает целую армию, чтобы восстать против самого Властителя. Для победы ему нужны Лира и ее друг Уилл с волшебным ножом. На их поиски лорд Азриэл посылает своих шпионов – юрких галливспайнов.

В то же время Лира и Уилл отправляются в самое опасное путешествие – в темную и леденящую страну мертвецов, откуда еще ни одна душа не смогла найти выхода. Как долго они продержатся там без деймонов и удастся ли им спастись? Ведь судьба всего человечества и всех миров зависит только от них!..

Филип Пулман

Янтарный телескоп

Philip Pullman

THE AMBER SPYGLASS

Печатается с разрешения автора при содействии литературных агентств
A. P. Watt at United Agents и Synopsis.

Серия «Золотой компас»

Иллюстрации в тексте Филипа Пулмана

© 2000 by Philip Pullman.

© В. Гольшев, В. Бабков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Поведай о мощи его, воспой его милость – он тот,
Чье облачение – свет, чей покров – свод.
Гнева его колесницы – облака с громом,
Темен путь возницы на крыльях шторма.

Роберт Грант.
Из «Гимнов древних и новых»

О звезды,

уж не от вас ли – приверженность к лику любимой?
Может быть, юноша знает его очертанья,
ясную их чистоту, ясность созвездий познав?

Райнер Мария Рильке.

Третья Дуинезская элегия (перевод Т. Сильман)

Летучие пары поднимаются над всем живущим.
Ночь бережна и холодна, ангелами населена,
Молотящими живущих. Освещены заводы,
Неслышен бой часов,
Мы вместе, наконец, хотя далеко друг от друга.

Джон Ашбери. Екклесиаст.

Из книги «Река и горы»

Глава первая

Заколдованный сон

К ней приходит сон,
И со всех сторон
Собралось над ней
Множество зверей.

Уильям Блейк,

(перевод В. Микучевича)

В долине, осененной рододендронами, близко к границе снегов, где бежал
молочно-белый ручей с талой водой и среди великанш-сосен летали голуби и
коноплянки, была пещера, наполовину заслоненная сверху нависшей скалой и
жесткой тяжелой листвой – снизу.

Лес был полон звуков: звон ручья в каменистом ложе, шорох ветра в
сосновых лапах, треск насекомых, крики маленьких древесных зверьков,
птичье пение и время от времени – виолончельный стон кедровой или
сосновой ветви, трущейся о соседку при сильном порыве ветра.

Это было царство солнечного света, но не сплошного, а пятнистого:
лимонно-желтые лучи его прошивали лесную кровлю и упирались в землю между
озерцами буро-зеленой тени. Свет был неспокоен и переменчив: кочевой
туман наплывал на деревья, цедил сквозь себя жемчужное сияние и каждую
шишку одевал росой, зажигавшейся, когда он рассеивался. Иногда влага
облаков конденсировалась в изморось, которая не падала, а с мягким
шелестом оседала на миллионы игл.

Вдоль ручья, от деревни внизу долины, вернее, просто горстки пастушьих
хижин, тянулась тропинка к полуразрушенному святилищу на самом верху, под
ледником; там, на вечном ветру высокогорья, развевались линияльные шелковые
флаги, и деревенские складывали свои приношения – ячменные лепешки и

высушенный чай. Необыкновенное сочетание льда, водяных паров и света постоянно рождало радуги наверху долины.

Пещера располагалась выше тропинки. Много лет назад здесь жил святой человек – предавался созерцанию, постился, – и в память о нем это место почитали. Пещера была метров десяти глубиной, с сухим полом – идеальное логово для волка или медведя, хотя селились здесь только птицы да летучие мыши.

Но существо, которое сидело сейчас в горловине пещеры, поглядывая по сторонам и насторожив острые уши, не было ни птицей, ни летучей мышью. Лоснистый золотой мех его горел на солнце, а цепкие лапы поворачивали шишку так и эдак; острые пальцы отщипывали чешуйки и выколупывали сладковатые орешки.

Позади него, там, куда уже не достигал прямой солнечный свет, миссис Колтер грела на керосиновой печке маленькую кастрюлю с водой. Ее деймон предостерегающе буркнул, и она подняла голову.

По тропинке шла деревенская девочка. Миссис Колтер знала ее. Ама уже несколько дней носила ей пищу. Явившись сюда, миссис Колтер сообщила деревенским, что она святая, что она посвятила себя созерцанию и молитве и дала обет никогда не разговаривать с мужчиной. К себе она не допускала никого, кроме Амы.

Однако на этот раз девочка пришла не одна. С ней был отец, и, пока она поднималась к пещере, он ждал поодаль.

Ама подошла к пещере и поклонилась.

– Отец послал меня молить вас о благорасположении.

– Здравствуй, дитя.

Девочка положила к ногам миссис Колтер еду, завернутую в выцветшую ткань. Потом протянула букетик – десяток анемонов, перевязанных ниткой, – и торопливо заговорила. Миссис Колтер немного понимала язык здешних горцев, но предпочитала скрывать это. Она улыбнулась и велела девочке замолчать и наблюдать за их деймонами. Золотая обезьяна протянула черную ладошку. Бабочка, деймон Амы, нерешительно подлетела к ней и села на жесткий указательный палец.

Обезьяна медленно поднесла ее к уху, и чужие мысли тонким ручейком полились в сознание миссис Колтер. Смысл девочкиных слов стал проясняться. Жители деревни рады, что святая женщина миссис Колтер поселилась поблизости от них в пещере, но ходят слухи, что с ней живет кто-то еще, могущественный и опасный.

И жители деревни напуганы. Это другое существо – оно хозяин миссис Колтер или ее слуга? И не дурны ли его намерения? И почему она выбрала это место? Долго ли они тут пробудут? Ама передала все эти вопросы, порожденные множеством опасений.

Деймон миссис Колтер понял их, и через него – она сама. Ей пришел в голову неожиданный ответ. Можно сказать правду. Не всю, конечно, – часть. Она засмеялась про себя при этой мысли, но не подала вида и объяснять стала серьезно:

– Да, со мной еще кто-то есть. Но бояться нечего. Она моя дочь, ее заколдовали, и теперь она спит. Мы прячемся здесь от волшебника, который

заколдовал ее, и я пытаюсь ее вылечить и уберечь от злодея. Если хочешь, пойди посмотри на нее.

Аму наполовину успокоил ласковый голос миссис Колтер, хотя испуг еще не совсем прошел, а после слов о колдовстве и волшебнике она смотрела на нее с еще большим благоговением. Но золотая обезьяна держала ее деймона так бережно, а саму ее так разбирало любопытство, что она вошла за женщиной в пещеру.

Отец Амы внизу сделал было шаг, ворона, его деймон, раз-другой подняла крылья, но он передумал и остался на месте.

День быстро гас, миссис Колтер зажгла свечу и провела Аму в глубь пещеры. Глаза девочки возбужденно блестели в сумраке, и руки безостановочно двигались – большой палец об указательный, большой об указательный, чтобы отвести опасность, смутить злых духов.

– Вот видишь? – сказала миссис Колтер. – Она не причинит вреда. Вам нечего бояться.

Ама смотрела на человека в спальном мешке. Это была девочка, года на три или четыре старше ее, с волосами невиданного цвета – светло-желтыми, как у льва. Губы у нее были сжаты, и она крепко спала – в этом не было сомнения, потому что ее деймон, свернувшись калачиком, лежал у нее на шее и не подавал признаков жизни. Он походил на мангусту, только помельче и с золотисто-рыжим мехом. Золотая обезьяна нежно погладила его между ушей, он беспокойно зашевелился и хрипло мяукнул. Деймон Амы, принявший вид мыши, прижался к ее шее и со страхом смотрел из-под ее волос.

– Можешь теперь рассказать отцу, что ты видела, – продолжала миссис Колтер. – Никакого злого духа. Только моя дочь – спит заколдованным сном, и я за ней ухаживаю. Но прошу тебя, Ама, скажи отцу, что это надо держать в секрете. Никто, кроме вас двоих, не должен знать, что Лира здесь. Если чародей проведает, где она, он ее отыщет и погубит и ее, и меня, и всех, кто поблизости. Так что ни слова. Скажи только отцу и больше никому.

Миссис Колтер опустилась на колени возле спящей, убрала влажные волосы с ее лица, потом наклонилась и поцеловала дочь в щеку. Она подняла голову, улыбнулась Аме, и в ее печальном взгляде было столько любви и терпеливого сострадания, что в глазах у девочки помутилось от слез.

У выхода из пещеры миссис Колтер взяла Аму за руку и увидела ее отца, с тревогой смотревшего снизу. Женщина сложила ладони и поклонилась ему. На лице его выразилось облегчение, а его дочь, поклонившись миссис Колтер и заколдованной спящей, в сумерках побежала вниз по склону. Отец с дочерью еще раз поклонились пещере, зашагали прочь и скоро скрылись в густой тени рододендронов.

Миссис Колтер вернулась к своей печке, где уже закипала вода.

Присев, она накрошила в воду сушеных листьев – две щепотки из одного мешочка, щепотку из другого, потом добавила три капли бледно-желтого масла и стала быстро размешивать. Она отсчитывала про себя секунды и через пять минут сняла кастрюльку с огня и села на землю ждать, когда отвар остынет.

Вокруг валялось снаряжение из лагеря у синего озера, где умер сэр Чарльз Латром: спальный мешок, рюкзак со сменами одежды и принадлежностями для мытья и прочее. В том числе брезентовый чемодан с крепким деревянным каркасом, где лежали разные приборы, переложенные растительным пухом, и пистолет в кобуре.

Отвар остывал быстро в разреженном воздухе, и, когда он охладился до температуры тела, она осторожно перелила его в металлический стакан и перенесла в конец пещеры. Обезьяна бросила свою шишку и пошла за ней.

Миссис Колтер поставила стакан на плоский камень и опустилась на колени рядом со спящей Лирой. Золотая обезьяна присела с другой стороны, приготовясь схватить Пантелеймона, если он проснется.

Волосы у Лиры были влажны, глаза двигались под веками. Она уже шевелилась: миссис Колтер заметила, как затрепетали ресницы дочери, когда она ее поцеловала, – скоро Лира совсем проснется.

Миссис Колтер приподняла ей голову, а другой рукой убрала со лба влажные пряди волос. Лира разжала губы и тихо застонала. Пантелеймон чуть передвинулся к ее груди. Золотая обезьяна не сводила глаз с деймона Лиры и черными пальчиками теребила край спального мешка.

Миссис Колтер посмотрела на нее, обезьяна отстранилась и отпустила мешок. Женщина приподняла дочь за плечи; голова у Лиры свесилась набок. Девочка вздохнула, веки ее затрепетали, и она с трудом приоткрыла глаза.

– Роджер... – пробормотала она. – Где ты... я не вижу...

– Ш-ш-ш, – шепнула мать, – тихо, дорогая. На, выпей.

Она поднесла ко рту Лиры стакан и слегка наклонила, чтобы жидкость только смочила губы. Лира провела по ним языком, и тогда миссис Колтер стала потихоньку вливать отвар, всякий раз дожидаясь, когда Лира проглотит очередную порцию.

Это заняло несколько минут, но в конце концов стакан опустел, и миссис Колтер снова уложила дочь. Как только голова Лиры коснулась земли, Пантелеймон перелез к ней на горло. Его золотисто-рыжий мех был так же влажен, как ее волосы. Оба крепко уснули.

Золотая обезьяна тихо пробралась к выходу из пещеры и снова уселась там – наблюдать за тропинкой. Миссис Колтер окунула фланелевую тряпицу в тазик с холодной водой, смочила девочке лицо, а потом расстегнула спальный мешок и обтерла плечи, шею и руки – Лире было жарко. Потом взяла гребень, осторожно расчесала ей спутавшиеся волосы, убрала их со лба и сделала аккуратный пробор.

Оставив спальный мешок раскрытым, чтобы Лира немного остыла, миссис Колтер развязала узелок, принесенный Амой, и достала оттуда лепешки, плитку прессованного чая и пригоршню липкого риса, завернутого в широкий лист. Пора было разводить костер. Здесь, в горах, по ночам стоял лютый холод. Она методично настрогала сухой трутовик, наложила сверху сучков и поднесла спичку. Об этом тоже пора было подумать: спички подходят к концу и керосин тоже, теперь придется жечь костер круглые сутки.

Деймон ее был недоволен. Ему не нравилось все ее предприятие, но, когда он пытался довести это до ее сведения, миссис Колтер только отмахивалась. Повернувшись к ней спиной и всем своим видом выражая презрение, золотая обезьяна продолжала лущить шишку. Миссис Колтер не обращала на нее внимания. Умело и не торопясь она развела костер и поставила кипятить воду для чая.

Тем не менее скепсис деймона передался ей, и, кроша темный чай над кастрюлей, она снова и снова спрашивала себя, что она, в самом деле, затеяла, не сходит ли она с ума – и что будет, когда об этом узнает

церковь. Прав ее деймон: она не только Лиру прячет, она прячет голову в песок.

Из тьмы появился мальчик и шептал, шептал, с надеждой и страхом:

– Лира... Лира... Лира...

Позади него другие фигуры, еще более призрачные, безмолвные. Казалось, они знакомы между собой и все одной породы, но лиц их не было видно и не слышно голосов. А его голос не поднимался выше шепота, и лицо было в тени, расплывчато, как что-то полузабытое.

– Лира... Лира...

Где это было?

На огромной равнине, где чугунное небо не давало света и горизонт со всех сторон был скрыт туманом. И голая земля, утоптанная миллионами ног, хотя ноги эти были легче пуха; верно, время выгладило ее, хотя и время в этом краю застыло; значит, все тут было так, как только и могло быть. Самый крайний край, последний из миров.

– Лира...

Почему они были здесь?

Они были узниками. Кто-то совершил преступление, неизвестно какое, и неизвестно кто, и неизвестно, какой судья вынес ему приговор.

Почему мальчик все время звал Лиру?

Надежда.

Кто они были? Духи.

И Лира не могла коснуться их, сколько ни пыталась. Снова и снова ее руки попадали в пустоту, а мальчик все стоял и просил о чем-то.

– Роджер, – сказала она, но с губ слетел только шепот. – Роджер, где ты? Что это за место?

Он сказал:

– Это мир мертвых, Лира... Я не знаю, что мне делать... Не знаю, навечно ли я здесь, не знаю, что я сделал плохого, я старался быть хорошим, но мне здесь плохо, здесь страшно, здесь ужасно...

А Лира сказала:

– Я...

Глава вторая

Бальтамос и Барух

И дух прошел надо мною;
Дыбом стали волосы на мне.

Книга Иова

– Помолчите, – сказал Уилл. – Помолчите. Не мешайте мне.

Было это после того, как забрали Лиру, после того, как Уилл спустился с горы, после того, как ведьма убила его отца. Уилл зажег жестяной фонарик, найденный в отцовской сумке вместе с сухими спичками, и, присев за камнем, открыл рюкзак Лиры.

Он пошарил в нем здоровой рукой и наткнулся на тяжеленький бархатный сверток с алетиметром. Прибор заблестел при свете фонаря, и Уилл показал его двум стоявшим рядом фигурам, существам, которые называли себя ангелами.

– Вы понимаете его? – спросил он.

– Нет, – ответил голос. – Идем с нами. Ты должен идти. Идем к лорду Азриэлу.

– Кто велел вам следить за отцом? Говорите, он не знал, что вы за ним ходите? А он знал, – со злостью сказал мальчик. – Он предупредил меня, что вы появитесь. Он знал больше, чем вы думаете. Кто вас послал?

– Никто. Мы сами, – послышался ответ. – Мы хотим служить лорду Азриэлу. А покойный – что он просил тебя сделать с ножом?

Уилл замялся:

– Сказал отдать его лорду Азриэлу.

– Тогда идем с нами.

– Нет. Пока не найду Лиру.

Он завернул алетиметр в бархат и положил в свой рюкзак. Потом закутался от дождя в тяжелый отцовский плащ и присел на корточки, глядя на призрачные фигуры.

– Вы правду говорите? – спросил он.

– Да.

– Так вы сильнее людей или слабее?

– Слабее. У вас есть плоть, у нас нет. И все же ты должен пойти с нами.

– Нет. Раз я сильнее, вы мне должны подчиняться. Кроме того, нож у меня. Поэтому приказываю, чтобы помогли мне найти Лиру. Все равно, сколько времени мы будем искать. Сперва отыщу ее и только потом пойду к лорду Азриэлу.

Несколько секунд обе фигуры молчали. Затем отплыли в сторону и стали переговариваться. Уилл не мог расслышать их разговор.

Наконец они вернулись, и он услышал:

– Хорошо. Ты не оставил нам выбора, хотя совершаешь ошибку. Мы поможем тебе найти этого ребенка.

Уилл вглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть их получше, но дождь заливал глаза.

– Подойдите ближе, чтобы я мог вас разглядеть.

Они приблизились, но очертания их стали еще более смутными.

– Днем вас будет лучше видно?

– Нет, хуже. У нас невысокий ангельский чин.

– Ну, раз я не могу вас разглядеть, тогда и остальные не смогут. Будете незаметными. Отправляйтесь и попробуйте узнать, куда делась Лира. Она не может быть далеко. Там была женщина, Лира должна быть с ней – женщина забрала ее. Давайте, ищите – вернетесь и скажете мне, что вы видели.

Ангелы взмыли в грозовое небо и исчезли. На мальчика навалилась тоскливая тяжесть; у него и до схватки с отцом было мало сил, а теперь и они подошли к концу. Только одного хотелось – закрыть глаза. Они будто набрякли и воспалились от слез.

Он натянул плащ на голову, обнял рюкзак и сразу уснул.

– Нигде нет, – раздался голос.

Уилл услышал его сквозь сон и заставил себя проснуться. Наконец (прошла, наверное, целая минута – таким глубоким было его забытие) ему удалось открыть глаза. Было ясное утро.

– Где вы?

– Рядом с тобой, – сказал ангел. – С этой стороны.

Солнце только что встало, под утренними лучами блестели свежим блеском камни, обросшие мхом и лишайником, но фигур нигде не было видно.

– Я же сказал, днем нас труднее увидеть, – продолжал тот же голос. – Лучше всего нас видно в сумерках и на рассвете, хуже всего – на солнце. Мы с моим товарищем обыскали склон горы и не нашли ни женщины, ни девочки. Но есть озеро с синей водой – там, наверное, была у женщины стоянка. Там лежит мертвец и ведьма, съеденная Призраком.

– Мертвец? Какой он из себя?

– Лет шестидесяти с чем-то. Полный, без морщин. Седые волосы. Одет в дорогое и сильно надушен.

– Сэр Чарльз, – сказал Уилл. – Это он. Его, наверное, убила миссис Колтер. Ну, хоть это хорошая новость.

– Она оставила следы. Мой товарищ пошел по ним, вернется, когда выяснит, где она остановилась. Я побуду с тобой.

Уилл встал и огляделся. Гроза очистила воздух, утро стояло солнечное, светлое, и от этого пейзаж выглядел еще более гнетущим: неподалеку валялись тела нескольких ведьм, провожавших его и Лиру к отцу. Черная ворона хищным клювом уже обклеивала лицо одной из них, и Уилл увидел, что в небе кружит птица покрупнее, будто присматривая самый лакомый кусок.

Уилл оглядел все тела по очереди, но Серафимы Пеккала, королевы клана и защитницы Лиры, среди них не было. Потом он вспомнил: ведь она улетела по другому делу еще до темноты.

Так что, может быть, она еще жива. Эта мысль приободрила его, и он окинул взглядом горизонт – не видно ли где Серафины, но кругом было только чистое небо да острые камни.

– Где ты? – спросил он ангела.

– Рядом с тобой, – был ответ. – Как всегда.

Уилл посмотрел налево, откуда шел голос, и ничего не увидел.

– Значит, тебя никто не видит. А слышит кто-нибудь, как я?

– Нет, если шепчу, – язвительно ответил ангел.

– Как тебя зовут? Имена у вас есть?

– Да, есть. Меня зовут Бальтамос. Моего товарища – Барух.

Уилл задумался о том, что делать дальше. Когда выбираешь один образ действий из многих возможных, те, от которых ты отказался, сдуло, словно огоньки свечей, словно они и не существовали. А цепляться за их существование – значит, ничего не сделать. Надо было выбрать.

– Спустимся вниз, – сказал он. – Пойдем к озеру. Может, там найдется что-то полезное. Да и пить хочется. Я пойду так, как знаю, а если ошибусь, ты меня поправишь.

Только пройдя несколько минут по каменистому бездорожному склону, Уилл сообразил, что рука у него не болит. Оказывается, с тех пор, как проснулся, он и не вспомнил о ране.

Он остановился и посмотрел на грубую ткань, которой обмотал ему руку отец после схватки. Она пропиталась мазью, но крови на ней не было. С тех пор как он лишился пальцев, кровь не останавливалась, и теперь у него даже сердце забилося от облегчения.

Для пробы он пошевелил пальцами. Раны, конечно, еще болели, но боль была совсем другая – не та глубокая, выматывающая душу боль, что мучила его еще вчера, а гораздо более слабая, глухая. Как будто раны уже заживали. И это сделал отец. Заговоры ведьм не помогли, а отец исцелил его.

Повеселев, он двинулся дальше.

Путь занял три часа, несколько раз ему указывали направление, и наконец они очутились перед маленьким синим озером. К этому времени во рту у него пересохло, идти в плаще под палящим солнцем было тяжело и жарко; но снять его он не мог – шея и голые руки горели. Он сбросил рюкзак и плащ и последние несколько метров пробежал к озеру, окунул в него все лицо и принялся пить, плоток за глотком, ледяную воду. Она была такой холодной, что заломило зубы и лоб.

Утолив жажду, он сел и огляделся. Вчера он был не в том состоянии, чтобы замечать детали, но сейчас обратил внимание на насыщенный цвет воды и расслышал настойчивый шум насекомых вокруг.

- Бальтамос?
- Тут, как всегда.
- Где мертвец?
- За скалой, справа от тебя.
- Призраков нет поблизости?
- Нет, ни одного.

Уилл взял рюкзак и плащ и по берегу прошел к указанной скале.

За ней были остатки небольшого лагеря – пять или шесть палаток и кострище. Уилл двигался осторожно, опасаясь, что там может прятаться кто-то живой.

Но тишина была непроницаемая, и треск насекомых только царапал ее поверхность. Палатки выглядели нежилыми, озеро было спокойно – по нему до сих пор расходилась рябь от того места, где он пил. Что-то зеленое шмыгнуло возле ноги, и он встрепенулся – но это была всего-навсего мелкая ящерица.

Палатки были сшиты из камуфляжной материи, отчего особенно выделялись на фоне тускло-красных камней. Уилл заглянул в первую – пусто. Во второй тоже. В третьей обнаружилось кое-что ценное: котелок и коробок спичек. И кусок какого-то темного вещества, длиной и толщиной с его предплечье. Сперва он принял его за кожу, но, вытащив на солнце, увидел, что это вяленое мясо.

Ну, нож-то у него есть. Уилл отрезал тончайший ломтик, оказавшийся солоноватым, но не жестким и очень душистым. Уложив мясо со спичками в котелок, а котелок – в рюкзак, он обыскал другие палатки, но больше ничего не нашел. Оставалась одна, самая большая.

- Здесь мертвец лежит? – бросил он в воздух.
- Да, – сказал Бальтамос. – Его отравили.

Уилл осторожно подошел ко входу, обращенному в сторону озера. Рядом с опрокинутым брезентовым стулом лежало тело человека, известного в мире Уилла как сэр Чарльз Латром, а в мире Лиры как лорд Бореал, – человека, укравшего у нее алетиметр. В результате этой кражи Уилл стал обладателем чудесного ножа. Сэр Чарльз был ловким, бесчестным и могущественным человеком, а теперь он мертвец. Лицо его было неприятно искажено. Уиллу не хотелось на него смотреть, но, заглянув в палатку, он увидел там много подходящего для кражи. Он перешагнул через мертвеца, чтобы разглядеть все получше.

Его отец, путешественник и военный, знал бы точно, что тут надо взять. Уиллу же пришлось брать наугад. Он взял небольшую лупу в стальном футляре – с ней можно добывать огонь и экономить спички; катушку крепкой бечевки, металлическую флягу для воды, гораздо легче его фляги из козьей шкуры; маленькую жестяную кружку, маленький бинокль, бумажную колбаску с золотыми монетами длиной с большой палец взрослого; походную аптечку,

таблетки для обеззараживания воды, пакет кофе, три пачки прессованных сухофруктов, мешочек с овсяным печеньем, шесть палочек постного сахара с мятой, упаковку рыболовных крючков, нейлоновую леску и, наконец, блокнот, два карандаша и электрический фонарик.

Все это он сложил в свой рюкзак, отрезал еще ломтик мяса, наелся, наполнил флягу из озера и сказал Бальтамосу:

– Как, по-твоему, еще что-то нужно?

– Немного разума, – последовал ответ. – Способности признавать чужую мудрость, уважать ее и прислушиваться к ней.

– А ты мудрый?

– Гораздо мудрее тебя.

– Понимаешь, мне-то не видно. Ты мужчина? Голос у тебя мужской.

– Барух был человеком. Я – нет. Теперь он ангел.

– Значит... – Уилл прервал свое занятие – а занят он был тем, что перекладывал более тяжелые вещи ближе к дну рюкзака, – и поднял голову, чтобы посмотреть на ангела. Но ничего не увидел. – Значит, он был человеком, а потом... Когда люди умирают, они становятся ангелами? Так это происходит?

– Не всегда. В большинстве случаев – нет... Очень редко.

– Так когда же он жил?

– Четыре тысячи лет назад приблизительно. Я много старше.

– Он жил в моем мире? Или у Лир? Или в этом?

– В твоём. Но миров – мириады. Тебе это известно.

– А как люди становятся ангелами?

– К чему эти метафизические спекуляции?

– Я просто хочу знать.

– Подумай лучше о своей задаче. Ты обобрал этого покойника, у тебя есть все игрушки, необходимые для жизни, так, может, двинемся наконец?

– Когда узнаю, куда идти.

– Куда бы мы ни пошли, Барух нас найдет.

– Значит, найдет, если и здесь побудем. Мне надо еще кое-что сделать.

Уилл уселся так, чтобы не видеть тело сэра Чарльза, и съел три квадратика постного сахара. После еды он почувствовал необыкновенный прилив сил и бодрости. Потом он еще раз осмотрел алетиметр. Все тридцать шесть картинок на слоновой кости были совершенно четкими. Здесь младенец, здесь кукла, здесь хлеб и так далее. Смысл их был непонятен.

– Как это его Лира понимала? – сказал он Бальтамосу.

– Вполне возможно, что она все выдумывала. Те, кто пользуется этим прибором, учились годы и годы и все равно не понимали бы его без помощи множества справочников.

– Она не выдумывала. Она его правильно понимала. Говорила мне такое, чего никак иначе не могла узнать.

– Тогда для меня это такая же загадка, поверь, – сказал ангел.

Глядя на алетиометр, Уилл вспомнил, что говорила Лира о том, как его понимать, в какое состояние надо привести себя, чтобы он работал. Ему это тоже помогало сладить с норовом серебряного лезвия.

Любопытства ради он вынул нож и, не вставая с места, вырезал маленькое окошко перед собой. Впереди было только голубое небо, но внизу, далеко внизу – поля и деревья; без сомнения, его мир.

Выходит, горы в его мире не совпадают со здешними горами. Он закрыл окно, впервые воспользовавшись левой рукой. Как радостно снова ею действовать!

И тут его пронзила мысль, неожиданно, как электрический удар.

Если миров мириады, почему нож открывает окна только между его миром и этим?

Наверняка им можно открыть окно в любой.

Он снова поднял нож, устремил все мысли к самому кончику, как учил Джакомо Парадизи, и сосредотачивался на нем до тех пор, пока сознание не поместилось между самих атомов и не стала ощутима всякая зацепка и неровность в пространстве.

Но не стал резать при первой же шероховатости, а продолжал вести нож от одной к другой. Словно двигался по ряду швов без нажима, чтобы ни одного не перерезать.

– Что ты делаешь? – раздался голос в воздухе, вернув его на землю.

– Пробую, – сказал Уилл. – Помолчи и не лезь под руку. Будешь близко – могу нечаянно порезать. Я же тебя не вижу.

Бальтамос недовольно буркнул. Снова вытянув руку с ножом, Уилл нащупывал крохотные зазубрины и трещинки. Было их гораздо больше, чем он думал. И, нащупывая их, без желания немедленно вырезать окно, он обнаружил, что у всех у них разные свойства: эта – твердая и определенная, та – расплывчатая, третья – скользкая, четвертая – хрупкая и слабая.

Среди них были такие, которые отыскивались легче, и, уже зная ответ, он взрезал одну, чтобы убедиться: да, в его мир.

Он закрыл окна и поискал ножом задорину другого качества. Нашел эластичную и упругую и вдвинул нож.

Ну вот! Мир, который он увидел через окно, был не его мир: здесь земля была ближе и вместо зеленых полей и мха – пустыня с барханами.

Он закрыл окно и вырезал другое: дымный воздух над индустриальным городом и вереница угрюмых, скованных цепями рабочих тянется к фабрике.

Закрыв окно и опомнился. Слегка кружилась голова. Он впервые осознал истинные возможности ножа – по крайней мере, некоторые – и бережно положил его перед собой на камень.

– Ты намерен провести здесь весь день? – сказал Бальтамос.

– Я думаю. Из мира в мир легче переходить, если земля на одном уровне. Может быть, в некоторых местах так оно и есть, и там чаще всего проделывают окна... И острием надо чувствовать, каков на ощупь вход в твой мир, иначе можно никогда не вернуться. Заблудишься навсегда.

– Действительно. Но не пора ли нам...

– И надо знать, в каком мире земля на том же уровне, иначе открывать его бесполезно, – сказал Уилл, не столько даже ангелу, сколько самому себе. – В общем, это не так просто, как я думал. С Оксфордом и Читтагаце нам, наверно, просто повезло... Но я...

Он снова взял нож. Помимо ясного и безошибочного чувства, когда он прикасался к точке, открывавшей вход в его мир, он испытывал, и уже не раз, другое ощущение: некоего резонанса, как бывает, когда ударишь в большой деревянный барабан, – с той, конечно, разницей, что происходило это от легчайшего движения ножа в воздухе.

Вот и сейчас. Он отошел, прощупал ножом в другом месте – то же ощущение.

Он сделал вырез – догадка подтверждалась. Резонанс означал, что в мире, который он сейчас вскрыл, земля на том же уровне. Открылся горный луг под пасмурным небом, и на лугу мирно паслись животные, которых он никогда не видел, – величиной с бизона, с широкими рогами, косматым голубым мехом и гребнем жесткой шерсти вдоль хребта.

Он вошел туда. Ближайшее животное посмотрело на него равнодушно и снова занялось травой. Не закрыв окна и стоя на лугу другого мира, Уилл искал кончиком ножа знакомые зацепки и опробовал их.

Да, он мог врезаться в свой мир из этого и по-прежнему находился высоко над фермами и живыми изгородями. И мог уловить резонанс – отклик мира Читтагаце, который он только что покинул.

С глубоким облегчением Уилл вернулся в лагерь у озера, закрыв перед этим все окна. Теперь он может найти дорогу домой, теперь он не заблудится, теперь он может спрятаться в случае нужды и передвигаться без опаски.

По мере того как росло его знание, прибывало и сил. Он повесил ножны на пояс и вскинул рюкзак.

– Ну, готов наконец? – слышался саркастический вопрос.

– Да. Если хочешь, могу объяснить, но, кажется, тебе не очень интересно.

– О нет, все, что ты предпринимаешь, меня буквально завораживает. Но забудем обо мне. Что ты собираешься сказать людям, которые идут сюда?

Пораженный Уилл обернулся. Далеко внизу по тропинке медленно поднималась к озеру вереница людей с вьючными лошадьми. Они его пока не видели, но если оставаться здесь, то скоро увидят.

Уилл поднял отцовский плащ, разложенный на камне, – материя успела подсохнуть на солнце и была уже не такой тяжелой. Он огляделся: взять больше нечего.

– Давай пройдем дальше, – сказал он ангелу.

Не мешало бы сделать перевязку, но с этим можно было подождать. Он двинулся по берегу озера, прочь от каравана, и ангел, невидимый в ярком свете, последовал за ним.

На исходе дня они спустились с каменистой горы к ее отрогу, заросшему травой и карликовыми рододендронами. Уилл уже мечтал об отдыхе и чуть погода решил сделать привал.

В пути ангел был немногословен. Время от времени он ронял: «Не сюда» или: «Слева тропинка полегче», и Уилл принимал его советы; но на самом деле он двигался просто для того, чтобы двигаться и чтобы уйти от каравана, потому что, пока не вернулся второй ангел, покидать это место не имело смысла.

Солнце садилось, и он как будто уже видел своего спутника. В воздухе словно бы мерцали очертания тела, и воздух внутри них казался плотнее.

– Бальтамос, – сказал он, – я хочу найти ручей. Есть поблизости?

– Есть родник ниже по склону, – ответил ангел. – Вон перед теми деревьями.

– Спасибо.

Уилл нашел родник, напился и наполнил флягу. Он хотел спуститься к лесу, но, услышав восклицание Бальтамоса, обернулся и увидел, как прозрачный контур его фигуры понесся вниз по склону... к чему? Ангел был различим как движущееся сгущение воздуха, и Уилл видел его лучше, когда он был на периферии зрения. Ангел как будто застыл, прислушиваясь, а потом взмыл в воздух и метнулся назад, к Уиллу.

– Здесь! – сказал он, и впервые не было в его голосе неодобрения и насмешки. – Барух прошел здесь. Тут окно, почти невидимое. Идем... идем. Идем же.

Уилл нетерпеливо устремился за ним, забыв об усталости. За окном, к которому они подошли, открылся сумрачный ландшафт, похожий на тундру, – равнина, в отличие от гористого Читтагацце, и небо над ней было затянуто тучами. Он вошел, и Бальтамос за ним следом.

– Что это за мир?

– Мир девочки, – сказал ангел. – Они прошли здесь. И Барух ушел за ними.

– Откуда ты знаешь, где он? Ты читаешь его мысли?

– Конечно, я читаю его мысли. Где бы он ни был, мое сердце – с ним, нас двое, но чувствуем мы как одно существо.

Уилл окинул взглядом местность. Никаких признаков человеческой жизни; свет уходил, и с каждой минутой становилось все холоднее.

– Спать здесь не хочу. На ночь останемся в Чигацце, а утром вернемся сюда. Там хотя бы лес, могу костер развести. Теперь я знаю, какой ее мир на ощупь, и всегда найду его ножом... Слушай, Бальтамос! А ты не мог бы принять другой вид?

– С какой стати?

– В этом мире у людей деймоны, а если у меня не будет, это покажется подозрительным. Так что, если собираемся бродить в ее мире, ты притворись моим деймоном и прими вид какого-нибудь животного. К примеру, птицы. Сможешь тогда летать хотя бы.

– До чего утомительно.

– Ну все-таки?

– Я мог бы, конечно...

– Так попробуй сейчас. Давай посмотрим.

Очертания ангела как будто сжались, превратились в маленький воздушный вихрь, а потом на траву под ноги Уиллу слетел черный дрозд.

– Сядь ко мне на плечо, – сказал Уилл.

Птица повиновалась и привычным брызгливым голосом ангела произнесла:

– Я буду делать это только в случае крайней необходимости. Это безумно унижительно.

– Тем хуже. Как только увидим людей в этом мире, ты становишься птицей. Спорить и ерепениться нечего. Делай как сказано.

Дрозд взлетел с его плеча, растворился в воздухе, и в сумерках обозначилась фигура раздосадованного ангела. Прежде чем вернуться, Уилл еще раз огляделся, примериваясь к миру, где держат в плену его подругу.

– Где сейчас твой товарищ? – спросил он.

– Следует за женщиной на юг.

– Значит, утром мы пойдем за ними.

На следующий день Уилл пустился в путь. Он шел час за часом и не видел ни души. Кругом были холмы, поросшие короткой сухой травой, и с каждой возвышенной точки Уилл оглядывал окрестность, но никаких признаков человеческого обитания заметить не мог. Однообразие пыльного буро-зеленого безлюдья нарушило только пятно темной зелени вдали. Туда он и направился: Бальтамос сказал, что там лес и река, которая течет на юг. Когда солнце еще стояло высоко, он хотел поспать под невысокими кустами, но не смог и под вечер совсем устал и натер ноги.

– Не очень-то продвинулись, – кисло заметил Бальтамос.

– Летать не умею, – отозвался Уилл. – Не можешь сказать ничего дельного, тогда лучше помолчи.

К лесу он подошел уже перед закатом; воздух был настолько насыщен пылью, что Уилл несколько раз чихнул, вспугнув птицу, с криком вылетевшую откуда-то рядом.

– Первое живое существо за весь день, – сказал Уилл.

– Где ты хочешь остановиться? – спросил Бальтамос.

Ангела время от времени было видно теперь в длинных тенях деревьев. И, насколько мог разглядеть Уилл, вид у него был раздраженный.

Уилл сказал:

– Остановиться надо где-то здесь. Ты мог бы поискать удобное место. Я слышу, неподалеку шумит вода, попробуй найти реку.

Ангел скрылся. Уилл поплелся дальше сквозь низкие заросли вереска и восковницы, мечтая о том, чтобы нашлась тропинка, и с беспокойством поглядывая на небо: место для ночлега надо найти поскорее, в темноте выбирать уже не придется.

– Налево, – произнес Бальтамос где-то совсем рядом – Ручей и сухое дерево для костра. Сюда...

Уилл пошел на его голос и вскоре оказался на месте, о котором говорил ангел. По замшелым камням стремительно бежал ручей и скрывался в узкой расселине под нависшими деревьями. Неширокий травянистый берег ручья окаймляли кусты и молодая поросль.

Прежде чем дать себе отдых, Уилл занялся заготовкой дров и вскоре набрел на кружок из закопченных камней среди травы – кто-то тут недавно жег костер. Он набрал охапку прутьев и сучков потолще, нарезал ножом до удобной длины и только потом стал разводить огонь. Опыта у него было мало, и несколько спичек пропало зря.

Ангел с терпеливо-усталым видом наблюдал за ним.

Наконец костер занялся. Уилл съел два овсяных печенья, немного вяленого мяса и постного сахара, запив холодной водой. Бальтамос молча сидел рядом, и в конце концов Уилл не выдержал:

– Так и будешь все время за мной наблюдать? Я никуда не собираюсь.

– Я жду Баруха. Он скоро вернется, тогда, если тебе так удобно, ты будешь предоставлен самому себе.

– Поесть не хочешь?

Бальтамос немного придвинулся – его искушали.

– В смысле, я не знаю, ешь ли ты вообще, – сказал Уилл, – но если чего-то хочешь – пожалуйста.

– А это что такое? – спросил привередливо ангел, показывая на постный сахар.

– Сахар по большей части и мята. На.

Уилл отломил квадратик и протянул Бальтамосу. Тот наклонил голову и понюхал. Потом прохладными легкими пальцами взял сладость с ладони Уилла.

– Я думаю, это меня подкрепит, – сказал он. – Благодарю. Одного кусочка вполне достаточно.

Он сидел и понемногу откусывал от квадратика. Уилл обнаружил, что, если смотреть в костер, а Бальтамосу держать на краю поля зрения, то виден он гораздо отчетливее.

– Где Барух? – спросил он. – Ты можешь с ним связаться?

– Я чувствую, что он близко. Скоро будет здесь. Когда он вернется, поговорим. Поговорить всегда полезно.

Не прошло и десяти минут, как послышался мягкий шум крыльев, и Бальтамос вскочил. Через мгновение ангелы уже обнимались, и Уилл, глядя в костер, увидел, насколько они привязаны друг к другу. Не просто привязаны: страстно друг друга любят.

Барух сел рядом с товарищем, а Уилл пошуровал в костре, чтобы ангелов окутало облако дыма. Дым очертил их фигуры, и он впервые разглядел их как следует. Бальтамос был худенький, с изящно сложенными за спиной узкими крыльями, лицо его выражало одновременно высокомерную презрительность и горячее, нежное сострадание, словно он готов был любить все вещи на свете, если бы характер позволил ему забыть об их изъянах. Но в Барухе он изъянов не видел, это было ясно. Барух, с его массивными снежно-белыми крыльями, выглядел моложе, как и сказал Бальтамос, и отличался более крепким сложением. По натуре он был проще Бальтамоса: во взгляде его читалось, что товарищ для него – средоточие всей радости и мудрости. Уилла заинтриговала и тронула эта взаимная любовь.

– Ты выяснил, где Лира? – с нетерпением спросил он.

– Да, – сказал Барух. – В гималайской долине, очень высоко, под ледником, где из-за льда вечно висит радуга. Я нарисую тебе на земле карту, чтобы ты не плутал. Девочку усыпила и держит в пещере эта женщина.

– Усыпила? И женщина одна? Без солдат?

– Да, одна. Скрывается.

– А Лира цела, здорова?

– Да. Только спит и видит сны. Давай покажу тебе, где они.

Прозрачным пальцем Барух начертил на голой земле возле костра карту. Уилл взял блокнот и точно ее скопировал. На карте был изображен ледник странной змеистой формы, спускавшийся с трех почти одинаковых горных вершин.

– А теперь более крупный план, – продолжал ангел. – Долина с пещерой – под левой стороной ледника, по ней течет горная речка. Вершина долины – здесь...

Он нарисовал еще одну карту, Уилл тоже ее скопировал; потом третью – еще более крупного масштаба. Теперь Уилл видел, что сможет найти дорогу без труда – при условии, что ему удастся преодолеть шесть или восемь тысяч километров от тундры до гор. Нож годился для того, чтобы резать выходы в другие миры, но не мог сокращать внутри них расстояния.

– Около ледника есть святилище, – закончил Барух, – там стоят изодранные ветром красные шелковые флаги. Еду в пещеру носит девочка из местных. Они думают, что женщина – святая и может благословить их, если они будут за ней ухаживать.

– Неужели? – сказал Уилл. – И прячется... Вот чего не понимаю. Прячется от церкви?

– Похоже на то.

Уилл аккуратно убрал карты. Он поставил кружку на камень у костра, чтобы согреть воду, всыпал туда молотого кофе, размешал палочкой, а потом, обернув руку платком, снял кружку.

Горящая ветка осела в костре, крикнула ночная птица.

Вдруг, неизвестно почему, оба ангела подняли головы и устремили взгляд в одном направлении. Он посмотрел туда же, но ничего не увидел. Так же было однажды с его кошкой: она дремала, вдруг встрепенулась и посмотрела на кого-то невидимого, кто вошел в комнату. В тот раз волосы у него на голове зашевелились – и сейчас тоже.

– Загаси костер, – шепнул Бальтамос.

Уилл загреб здоровой рукой землю и прибил огонь. Холод мгновенно пробрал его до костей, и охватила дрожь. Он закутался в плащ и снова посмотрел вверх.

Теперь стало видно: над облаками светилось какое-то тело, и это была не луна.

Он услышал шепот Баруха:

– Колесница? Не может быть!

– Что это? – прошептал Уилл.

Барух наклонился к нему и шепотом ответил:

– Они знают, что мы здесь. Они нашли нас. Уилл, бери свой нож...

Он не договорил – кто-то ринулся с неба и врезался в Бальтамосу. Мгновением позже Барух прыгнул на это существо, а Бальтамос извивался, пытаясь освободить крылья. Трое борющихся возились в сумраке, как большие осы в гигантской паутине, и не издавали ни звука: Уилл слышал только хруст веточек под ногами да шуршание листьев.

Он не мог воспользоваться ножом – они двигались слишком быстро. Тогда он вытащил из рюкзака фонарик и включил.

Трое не ожидали этого. Нападавший вскинул крылья, Бальтамос прикрыл глаза рукой, и только у Баруха хватило самообладания не прекращать борьбу. Но теперь Уилл разглядел этого врага: тоже ангел, но намного крупнее и сильнее их, и Барух ладонью зажимал ему рот.

– Уилл! – крикнул Бальтамос. – Нож... режь окно...

В ту же секунду нападавший вырвался из рук Баруха и закричал:

– Лорд Регент! Я их поймал!

У Уилла зазвенело в ушах – он никогда не слышал такого крика.

Еще миг, и ангел взлетел бы, но Уилл бросил фонарь и прыгнул на него. Он убил скального мару, но применить нож против похожего на тебя создания несравненно труднее. Тем не менее он обхватил большие крылья и полоснул по перьям ножом – раз, другой, третий, так что в воздух взвились белые хлопья, и в пылу борьбы он неожиданно вспомнил слова Бальтамоса: «У вас есть плоть, у нас нет». Люди сильнее ангелов, это оказалось правдой: он прижал ангела к земле.

А тот продолжал кричать оглушительным голосом:

– Лорд Регент! Ко мне, ко мне!

Уилл взглянул вверх и увидел, как заволновались и взвихрились тучи и засветились изнутри – это было что-то громадное и с каждым мгновением усиливавшееся, словно сами тучи светились от внутренней энергии, как плазма.

Бальтамос крикнул:

– Уилл, отойди, режь окно, пока он не спустился...

Но ангел был силен – он уже освободил одно крыло, оторвал тело от земли, и Уилл вынужден был продолжать борьбу, чтобы не упустить его окончательно. Барух бросился к нему на помощь и стал отгибать голову врага назад, назад.

– Нет! – снова закричал Бальтамос. – Нет! Нет!

Он подскочил к Уиллу, стал дергать его за руку, за плечо; враг между тем опять пытался закричать, но Барух зажимал ему рот.

Наверху раздался глубокий гул, словно заработало исполинское динамо, – гул, такой низкий, что был почти не слышен, хотя сотрясал сами молекулы воздуха и отдавался дрожью в костях Уилла.

– Он приближается, – рыдающим голосом крикнул Бальтамос, и теперь Уиллу передался его страх. – Пожалуйста, прошу тебя, Уилл...

Уилл поднял голову.

Тучи раздвинулись, и в черном разрыве возникла мчащаяся фигура; сперва маленькая, она с каждой секундой становилась все больше и приобретала все более грозный вид. Это существо несло прямо к ним – и явно с самыми злыми намерениями; Уиллу казалось, что он видит даже его глаза.

– Уилл, не медли, – умолял Барух.

Уилл поднялся и хотел сказать: «Держи его крепче», – но раньше, чем фраза сложилась в его голове, их враг осел на землю, расплылся, рассеялся, как туман, и исчез. Недоуменно и с отвращением Уилл оглянулся кругом.

– Я убил его? – спросил он дрожащим голосом.

– Ты не мог иначе, – сказал Барух. – Но сейчас...

– Ненавижу, – выкрикнул Уилл, – правда, правда, ненавижу эти убийства! Когда же они прекратятся?

– Надо бежать, – пролепетал Бальтамос. – Скорее, Уилл, скорее... прошу...

Оба они были смертельно напуганы.

Уилл ощупал воздух кончиком ножа: в любой мир, только бы отсюда. Он быстро прорезал окно и посмотрел вверх: тот, другой ангел, был в нескольких секундах от них, и лицо его было ужасно. Даже на таком удалении и в минуту спешки Уилл почувствовал, что все его существо обыскано и просвечено насквозь каким-то могучим, злым и безжалостным интеллектом.

И что еще страшнее, у ангела было копьё – он уже поднимал его, чтобы метнуть...

Несколько мгновений потребовалось ангелу, чтобы остановить полет, принять вертикальное положение и замахнуть копьём, и за это время Уилл шмыгнул вслед за Барухом и Бальтамосом в окно и закрыл его за собой. Когда его пальцы стягивали последний сантиметр просвета, он почувствовал, как вздрогнул воздух. И тут же стих. Копьё прошло бы его, останься он в том мире, но теперь они были недостижимы. Они очутились на песчаном берегу под яркой луной. Вдали от берега возвышались громадные, похожие на папоротники деревья; а вдоль воды, насколько хватал глаз, тянулись низкие дюны. Было жарко и влажно.

– Кто это был? – Он, дрожа, повернулся к ангелам.

– Это был Метатрон, – сказал Бальтамос. – Ты напрасно...

– Метатрон? Кто он? Почему он напал? Только не врите мне.

– Мы должны ему сказать, – обратился к товарищу Барух. – Почему ты раньше не сказал?

– Да, надо было, – согласился Бальтамос, – но я был сердит на него и за тебя беспокоился.

– Так скажите сейчас, – потребовал Уилл. – И помните: только не надо объяснять, что я должен делать, – для меня это пустой звук. Главное для меня – Лира и моя мать. И в этом, – он повернулся к Бальтамосу, – смысл, как ты их называл, всяких метафизических спекуляций.

Барух сказал:

– Я полагаю, мы должны сообщить тебе то, что знаем. Так вот, Уилл, – почему мы искали тебя и почему должны доставить тебя к лорду Азриэлу. Мы открыли тайну царства... мира Властителя... и должны сообщить ему. Мы здесь в безопасности? – озираясь, добавил он. – Сюда нельзя проникнуть?

– Это другой мир, другая вселенная.

Песок под ногами был мягок, склон дюны по соседству так и манил прилечь. Ни души вокруг, безлюдный берег был виден при луне на много километров.

– Так расскажите. Расскажите о Метатроне и что это за тайна. Почему ангел называл его регентом? И кто такой этот Властитель? Бог?

Он сел, и оба ангела, лучше различимые при луне, чем когда-либо прежде, сели с ним рядом. Бальтамос тихо заговорил:

– Властитель, Бог, Творец, Господь, Яхве, Эл, Адонаи, Царь, Отец, Всемогуший – все эти имена он дал себе сам. Он не был создателем, он был ангелом, как мы, – да, первым ангелом, самым могучим, но образовался из Пыли, как и мы, а Пыль – это просто название того, что происходит, когда материя начинает сознавать себя. Материя любит материю. Она хочет познать себя, и так рождается Пыль. Первые ангелы образовались из Пыли, и Властитель был самым первым. Он сказал тем, кто появился после, что он их создал, но это была ложь. Одна из тех, кто появился позже, была мудрее его и узнала правду – и тогда он ее изгнал. Мы ей по-прежнему служим. А Властитель по-прежнему царствует, и Метатрон – его регент. Но самого главного, что мы узнали на Заоблачной горе, мы сказать тебе не можем. Мы поклялись друг другу, что первым услышит об этом сам лорд Азриэл.

– Тогда скажите, что можете. Я не хочу блуждать в потемках.

– Мы нашли дорогу к Заоблачной горе, – сказал Барух и продолжал: – Прости, мы слишком легко бросаемся этими названиями. Иногда ее называют Колесницей. У нее нет постоянного местоположения, она передвигается с места на место. Там, где она находится сейчас, там и есть его престол, его цитадель, его дворец. Когда Властитель был молодым, она не была скрыта облаками, но со временем он стал окружать себя ими все более и более плотно. Тысячи лет уже никто не видел эту вершину. Поэтому цитадель и зовется теперь Заоблачной горой.

– Что вы там нашли?

– Сам Властитель занимает покои в глубине горы. Мы не могли приблизиться, но видели его. Его власть...

– Значительную долю власти, как я уже говорил, он передал Метатрону, – вмешался Бальтамос. – Ты видел, каков он. Мы уходили от него прежде, а теперь он опять нас увидел – больше того, он увидел тебя и увидел нож. Я же говорил...

– Бальтамос, – мягко перебил его Барух, – не ругай Уилла. Мы нуждаемся в его помощи, и если он не знал того, что мы сами так долго не могли выяснить, это не его вина.

Бальтамос отвел взгляд. Уилл сказал:

– Так вы мне не откроете эту вашу тайну? Ладно. Тогда скажите мне: что происходит, когда мы умираем?

Бальтамос с удивлением повернулся к нему. Барух сказал:

– Ну, есть мир мертвых. Где он и что там происходит, никому не известно. Мой дух, благодаря Бальтамосу, туда не отправился; я – то, что было некогда духом Баруха. Мир мертвых нам неведом.

– Это каторжный лагерь, – сказал Бальтамос. – Властитель основал его на заре веков. Зачем тебе знать? В свое время увидишь.

– Только что умер мой отец, вот зачем. Он бы рассказал мне все, что знает, если бы его не убили. Ты говоришь, это – мир, то есть такой, как этот, другая вселенная?

Бальтамос посмотрел на Баруха, тот пожал плечами.

– А что происходит в мире мертвых? – не отставал Уилл.

– Невозможно сказать, – ответил Барух. – Все, что касается его, – тайна. Даже церковь не знает; она говорит верующим, что они будут жить на Небесах, но это неправда. Если бы люди действительно знали...

– И дух моего отца отправился туда?

– Без сомнения, так же, как бесчисленные миллионы умерших до него.

Уилл был потрясен.

– Почему же вы прямо не отправились к лорду Азриэлу со своей великой тайной? – спросил он. – А стали искать меня?

– Мы сомневались, что он нам поверит, – сказал Бальтамос. – Если мы не представим ему доказательства наших добрых намерений. Два ангела невысокого чина среди могущественных, с которыми общается он, – воспримет ли он нас серьезно? Но если мы доставим ему нож и самого носителя, он, может быть, прислушается. Нож – могучее оружие, и лорд Азриэл будет рад, если ты станешь на его сторону.

– Что ж, жаль, – сказал Уилл, – но меня это не убедило. Если бы вы действительно верили в свою тайну, вам не нужно было бы повода для того, чтобы встретиться с лордом Азриэлом.

– Есть и другая причина, – сказал Барух. – Мы знали, что Метатрон будет преследовать нас, и не хотели допустить, чтобы нож попал ему в руки. Если бы мы убедили тебя сначала отправиться к лорду Азриэлу, тогда, по крайней мере...

– Нет, этому не бывать, – сказал Уилл. – Вы только мешаете мне найти Лиру, а не помогаете. Она важнее всего остального, и вы о ней совершенно забываете. Ну а я – нет. Отправляйтесь-ка к лорду Азриэлу и оставьте меня в покое. Заставьте его слушать. Вы долетите до него гораздо быстрее, чем я дойду. Я намерен первым делом найти Лиру, а там будет видно. Давайте же, отправляйтесь. Оставьте меня.

– Но я тебе нужен, – возразил Бальтамос, – потому что могу притвориться твоим деймоном, иначе в ее мире ты будешь выделяться.

Уилл не мог говорить от злости. Он встал и прошел двадцать шагов по рыхлому песку, потом остановился – влажная жара была невыносима.

Он обернулся и увидел, что ангелы разговаривают, сблизив головы; потом они подошли к нему, смирные и смущенные, и все же гордые. Барух сказал:

– Извини. Я сам отправлюсь к лорду Азриэлу, сообщу ему наши сведения и попрошу его прислать тебе помощь для поисков его дочери. Это два дня полета, если правильно выберу курс.

– А я останусь с тобой, Уилл, – сказал Бальтамос.

– Хорошо, – сказал Уилл, – спасибо.

Ангелы обнялись. Потом Барух обнял Уилла и поцеловал в обе щеки. Поцелуй был легкий и прохладный, как руки Бальтамоса.

– Если мы будем двигаться к Лире, ты найдешь нас? – спросил Уилл.

– Я никогда не потеряю Бальтамоса, – сказал Барух и отступил на шаг. Потом он оторвался от земли, взмыл в небо и пропал среди звезд.

Бальтамос с тоской смотрел ему вслед.

– Заночуем здесь или двинемся дальше? – сказал он наконец, обернувшись к Уиллу.

– Заночуем здесь.

– Тогда спи, а я постою на страже. Уилл, я был резок с тобой и был неправ. На тебе самое большое бремя, и я должен тебе помогать, а не попрекать тебя. С этой минуты я постараюсь быть добрее.

И Уилл улегся на теплый песок, зная, что где-то рядом сторожит ангел, но это его не очень утешало.

...выберусь отсюда, Роджер, обещаю. И Уилл идет сюда, я уверена!

Он не понял. Он развел бледные руки и покачал головой.

– Я не знаю, кто это, и он сюда не придет, – сказал Роджер, – а если придет, он меня не знает.

– Он идет ко мне, – сказала она, – и мы с Уиллом, ох, не знаю как, но, клянусь, мы поможем тебе, Роджер. И не забывай, мы ведь не одни. За нас Серафина, и Йорек, и...

Глава третья

Стервоядные

Кости рыцаря – прах,
Верный меч заржавел впотьмах,
Но дух его, верю, – в небесах.

С. Т. Кольридж

Серафина Пеккала, королева клана ведьм с озера Инара, летела в мутном небе Арктики и плакала. Это были слезы ярости, страха и раскаяния: причиной ярости была эта женщина Колтер, которую она поклялась убить, причиной страха – то, что происходило с ее любимой землей, а раскаяние... Придет черед и раскаянию.

С болью в сердце она смотрела сверху на тающую шапку льда, на затопленные леса в низинах, на вздувшееся море. Но она не прервала свой полет, чтобы заглянуть в родные края, утешить и подбодрить сестер. Она летела все дальше и дальше на север, сквозь туманы и шторма, гулявшие над Свальбардом, королевством Йорека Бирнисона, бронированного медведя.

Она с трудом узнала остров. Горы обнажились, стали черными, и лишь в немногих глубоких долинах, почти недоступных солнцу, в уголках на теневой стороне, сохранилось немного снега, – но почему вообще тут солнце в это время года? Все перевернулось в природе.

Короля медведей она искала почти целый день. Увидела его среди скал, на северном краю острова. Он стремительно плыл за моржом. В воде медведю охотиться труднее: когда земля была покрыта льдом и большие морские млекопитающие поднимались наверх за воздухом, преимуществом медведей становилась их защитная окраска и то, что добыча находилась не в своей стихии. Было так, как должно быть.

Но Йорек Бирнисон проголодался, и его не смущали даже грозные бивни могучего моржа. Серафина наблюдала за их схваткой: морская пена окрасилась в красный цвет, и Йорек вытащил добычу из волн на широкий

каменный выступ. С почтительного расстояния за ним следили три довольно облезлых песка, дожидаясь своей очереди на пиру.

Когда король медведей закончил трапезу, Серафина подлетела к нему и заговорила.

Пришел черед и раскаянию.

– Король Йорек Бирнисон, – сказала она, – могу я поговорить с тобой? Я кладу свое оружие.

Она положила лук и стрелы на мокрый камень между ними. Йорек бросил на них короткий взгляд, и она поняла, что, если бы его морда могла выражать чувства, то на ней выразилось бы удивление.

– Говори, Серафина Пеккала, – прорычал он. – Мы никогда не воевали, верно?

– Король Йорек, я подвела твоего друга Ли Скорсби.

Черные глазки и окровавленная морда медведя застыли. Она видела, как ветер ерошит кремово-белый мех на его спине. Он молчал.

– Мистер Скорсби погиб, – продолжала Серафина. – До того как расстаться с ним, я дала ему цветок, чтобы он мог вызвать меня, если понадобится. Я услышала его зов и полетела к нему, но опоздала. Он погиб, сражаясь с отрядом москвитов, – не знаю, что привело их туда, почему он сдерживал их, хотя легко мог спастись бегством. Король Йорек, меня мучают угрызения совести.

– Где это произошло? – спросил Йорек Бирнисон.

– В другом мире. В двух словах не расскажешь.

– Тогда начинай.

Она рассказала ему о том, что Ли Скорсби пустился на поиски человека, известного под именем Станислауса Груммана. Рассказала о том, что лорд Азриэл взломал барьер между мирами, и о последствиях этого, в частности о таянии льдов. О том, как ведьма Рута Скади летела за ангелами, – и Серафина попыталась описать королю медведей эти крылатые создания так, как описывала ей Рута: разреженный свет, окружающий их, хрустальную прозрачность их тел, их глубокую мудрость.

Она рассказала о том, что увидела, явившись на зов Ли Скорсби:

– Я навела чары на тело, чтобы предохранить его от разложения. Оно полежит до твоего прихода, если ты захочешь пойти туда. Но меня это беспокоит, король Йорек. Беспокоит все, но больше всего – это.

– Где девочка?

– Я оставила ее с моими сестрами, потому что должна была лететь к Ли.

– В том же мире?

– Да, в том же.

– Как мне попасть туда?

Она объяснила. Йорек Бирнисон выслушал ее без всякого выражения и сказал:

– Я пойду к Ли Скорсби. А потом отправлюсь на юг.

– На юг?

– Лед растаял на наших островах. Я думал об этом, Серафина Пеккала. Я зафрахтовал судно.

Три песца терпеливо ждали. Два из них легли, опустили головы на лапы и только глядели, а третий продолжал сидеть, прислушиваясь к разговору. Песцы, хоть и питаются падалью, отчасти усвоили язык, но мозги их устроены так, что они понимают только предложения в настоящем времени. Беседа Йорека и Серафины была для них, по большей части, бессмысленным шумом, к тому же в их собственных разговорах всегда было много лжи, так что, если бы они и стали это пересказывать, все равно никто не разобрал бы, где правда, а где нет. Впрочем, доверчивые скальные мары нередко верили почти всему, и разочарования ничему их не научили. И медведи, и ведьмы привыкли к тому, что их разговоры растаскиваются по кусочкам, как объедки их добычи.

– А ты, Серафина Пеккала? – спросил Йорек. – Что ты намерена делать?

– Я хочу найти цыган, – сказала она. – Думаю, они понадобятся.

– Лорд Фаа, – сказал медведь, – да. Хорошие бойцы. Счастливого пути.

Он повернулся, без всплеска скользнул в воду и поплыл, размеренно и неумоимо загребая лапами, к новому миру.

После Йорек Бирнисон шел между обгорелых кустов и треснувших от жара камней по краю сгоревшего леса. Сквозь дымную мглу жарило солнце, но он не обращал внимания ни на жару, ни на угольную пыль, покрывшую его белый мех, ни на гнуса, тщетно пытавшегося добраться до его кожи.

Он проделал большой путь и в какой-то момент почувствовал, что всплывает в другой мир. Почувствовал, что изменились вкус воды и температура воздуха, но дышать было можно, вода еще держала его тело, и он поплыл дальше, а теперь, оставив море позади, приближался к месту, описанному Серафиной. Он остановился в раздумье, глядя черными глазами на окутанную маревом стену известковых скал.

От сгоревшего леса к горам тянулся пологий склон, усыпанный крупными камнями, щебнем и обломками обожженного, искореженного металла – балками и распорками, видимо, частями какой-то сложной машины. Йорек Бирнисон осмотрел их глазами кузнеца и воина, но обломки были ни на что не годны. По распорке, пострадавшей меньше, чем остальные, он провел могучим когтем черту и, ощутив хлипкость металла, сразу отвернулся и снова окинул взглядом скалы.

Теперь он увидел то, что искал: узкую лошину с неровными стенами и при входе в нее широкий низкий камень.

Он стал подниматься туда. Под его громадными лапами с треском ломались в тишине сухие кости – здесь полегло много людей, ставших добычей койотов, грифов и разных мелких тварей. Не обращая внимания на останки, медведь упорно шел к камню. Грунт был ненадежен, тем более при его весе, и он не раз скатывался вниз на осыпях, вздымая пыль и песок. Но, съехав вниз, он продолжал восхождение, упорно, неумоимо, и наконец достиг скалы, давшей лапам твердую опору.

Камень был исклеван пулями. Все, о чем поведала ведьма, оказалось правдой, и, словно в подтверждение, горел красным светом опознавательный знак – маленький арктический цветок-камнеломка, посаженный ведьмой в трещине скалы.

Йорек Бирнисон обошел камень. Он был хорошим укрытием от обстрела снизу, но недостаточно хорошим: в граде пуль, изъязвивших камень, несколько штук нашли свою мишень и застряли в теле человека, который лежал, вытянувшись в тени камня.

Но это было тело, не скелет, потому что ведьма заколдовала его, предохранив от разложения. Йорек увидел, что лицо его старого товарища осунулось и на нем застыло выражение боли, увидел дыры от пуль в одежде. Ведьмины чары не распространялись на кровь, которой пролилось, наверно, немало, и насекомые, солнце, ветер не оставили от нее даже следов. Ли Скорсби не походил на спящего, в облике его не было покоя; он выглядел как человек, погибший в бою, но погибший с сознанием, что отдал жизнь не зря.

И поскольку тexasский аэронавт был одним из немногих людей, уважаемых Йореком, медведь принял от человека его последний дар. Он ловко освободил от одежды тело покойного, одним движением вспорол его и стал насыщаться плотью и кровью своего старого друга. Он уже несколько дней не ел и был голоден.

Но ум его был занят не только голодом и насыщением: тесня друг дружку, в нем роились другие, более сложные мысли. Воспоминание о девочке Лире, которую он сравнил с птицей Сири́н и в последний раз видел на своем острове, Свальбарде, когда она прошла по хрупкому снежному мостику над пропастью. Затем – волнения среди ведьм, слухи о пактах, союзах и о войне; затем – превосходящий всякое разумение факт встречи с новым миром и утверждение ведьмы, что есть еще множество таких миров и судьба их каким-то образом зависит от судьбы этой девочки.

И таяние льдов. Он со своим народом жил во льдах; льды были их домом, льды были их крепостью. После колоссального природного возмущения в Арктике лед стал исчезать, и Йорек понимал, что должен найти новую ледяную твердыню для своего народа, а иначе – гибель. Ли говорил ему о горах на юге, таких высоких, что их даже нельзя перелететь на воздушном шаре и они весь год покрыты снегом и льдом. Следующая его задача – обследовать эти горы.

Но сейчас его сердцем владело более простое желание, отчетливое, твердое, непоколебимое, – желание мести. Ли Скорсби, вывезший его из осажденного форта на своем шаре и сражавшийся рядом с ним в Арктике их прежнего мира, убит. Йорек отомстит за него. Плоть и кости хорошего человека и подкрепят его, и не дадут успокоиться, пока он не прольет достаточно крови, чтобы утихомирить свое сердце.

К тому времени когда Йорек кончил трапезу, солнце уже садилось и в воздухе потянуло холодком. Собрав то, что осталось от тела, в кучку, медведь выдернул зубами цветок из скалы и положил сверху, как принято у людей. Ведьмины чары больше не действовали – останки были теперь поживой для любого, кто подойдет. Скоро они станут пищей для десятка видов живых существ.

А Йорек двинулся вниз по склону, снова к морю, к югу.

Скальные мары любили полакомиться песцом, когда удавалось его добыть. Поймать хитрого зверька было трудно, но мясо его было нежным и пахучим.

Прежде чем убить этого, скальный мара дал ему поговорить и посмеялся над его глупым лепетом.

– Медведь должен идти на юг! Клянусь! Ведьма беспокоится! Правда! Клянусь! Обещай!

– Медведям на юге нечего делать, лживая тварь!

– Правда! Король медведей должен идти на юг! Моржа тебе показываю – хороший, жирный...

– Король медведей – на юг?

– А у летучих сокровище! Летучие – ангелы – хрустальное сокровище!

– Летучие – как мары? Сокровище?

– Как свет, не как мары. Богатые! Хрустальное! А ведьма беспокоится – ведьма огорчается – Скорсби мертвый...

– Мертвый? Человек с шара мертвый? – Сухие утесы эхом отозвались на хохот скального мары.

– Ведьма его убивает. Скорсби мертвый, медвежий король идет на юг...

– Скорсби мертвый! Ха-ха, Скорсби мертвый!

Скальный мара свернул песцу голову и подрался с братьями за его потроха.

...они придут, придут!

– Но где ты, Лира?

Этого она не знала.

– По-моему, я сплю, Роджер, – только и могла она сказать.

Позади мальчика она видела других духов, десятки, сотни; струдившись, они смотрели на нее и прислушивались к каждому слову.

– А эта женщина? – спросил Роджер. – Надеюсь, она не умерла. Надеюсь, она поживет подольше. Потому что, если она спустится сюда, тогда уже негде будет спрятаться, мы навсегда станем ее пленниками. Это единственное, что есть хорошего в мире мертвых, – что ее тут нет. Только знаю: когда-нибудь она сюда явится...

Лира была встревожена.

– Кажется, я сплю и я не знаю, где она! Она где-то близко, и я не могу...

Глава четвертая

Ама и летучие мыши

Будто затаясь, она лежала.
Жизнь от нее убежала,
Чтобы обратно прийти
После долгого пути.

Эмили Дикинсон

Образ спящей девочки накрепко засел в голове у Амы – дочь пастуха думала о ней не переставая. Ни на секунду не усомнилась она в том, что рассказала ей миссис Колтер. Колдуны безусловно существуют, и нет ничего удивительного в том, что они наводят сонные чары и что мать с такой свирепой заботливостью ухаживает за дочерью. Ама восхищалась красивой женщиной в пещере и ее заколдованной дочерью, почти боготворила их.

Она приходила в долину при всякой возможности, чтобы выполнить поручение женщины или просто поговорить с ней и послушать ее чудесные рассказы. И всякий раз надеялась хоть краем глаза увидеть спящую; но удалось ей это только однажды, и она примирилась с тем, что ей вряд ли позволят увидеть девочку снова.

И все время, пока она доила овец, расчесывала и пряла шерсть или молола ячмень для хлеба, ее не оставляли мысли о заколдованной девочке и о том, почему ее заколдовали. Миссис Колтер так и не объяснила этого, и Ама могла воображать что угодно.

Однажды она взяла лепешку медового хлеба и проделала трехчасовой путь до Чоулунсе, где стоял монастырь. Лестью, терпением и подкупом – отломив привратнику кусок медовой лепешки, она добилась приема у великого целителя Пагдзына тулку[1 – Тулку – у тибетских буддистов высокий чин в иерархии, человек, в прошлой жизни бывший простым святым или божеством. – Примеч. перев.], остановившего всего лишь год назад вспышку белой лихорадки и необычайно мудрого.

Ама вошла в келью великого врачевателя, низко поклонилась и с самым смиренным видом протянула оставшуюся часть медовой лепешки. Деймон монаха, летучая мышь, стала носиться над ее головой; ее деймон, Куланг, испугался и спрятался у нее в волосах, но Ама старалась не шевелиться и молча слушала Пагдзына тулку.

– Да, дитя? Быстрее, говори быстрее, – сказал он, и его длинная седая борода вздрагивала при каждом слове.

В сумраке, кроме этой бороды и его блестящих глаз, она почти ничего не видела. Его деймон подлетел к балке, повис наконец спокойно, и она сказала:

– Пагдзын тулку, я хочу набраться мудрости, хочу научиться чарам и волшебству. Вы можете меня научить?

– Нет.

Она этого ожидала.

– Тогда можете рассказать мне только об одном лекарстве? – робко спросила она.

– Может быть. Только не скажу, какое оно. Я могу дать тебе снадобье, но не открою секрет.

– Хорошо, спасибо, это великое благодеяние, – сказала она и несколько раз поклонилась.

– Что за болезнь и кого она постигла? – спросил старик.

– Это сонная болезнь, – объяснила Ама. – А заболел сын двоюродного брата моего отца.

Ей казалось, что она ответила очень хитро, поменяв пол больного на случай, если целитель слышал о женщине в пещере.

– А сколько лет мальчику?

– На три года старше меня, Пагдзын тулку, – сказала она наугад, – двенадцать, значит. Он спит и спит, и не может проснуться.

– Почему не пришли его родители? Почему прислали тебя?

– Они живут далеко, на другом краю моей деревни, и очень бедные, Пагдзын тулку. Я только вчера услышала, что заболел мой родственник, и сразу пошла к вам за советом.

– Мне надо видеть больного, надо подробно осмотреть его и выяснить положение планет в тот час, когда он заснул. Спешка в таком деле не годится.

– И никакого лекарства не можете дать для него?

Деймон мудреца, летучая мышь, упал с балки и, замахав черными крыльями уже над самым полом, молча заметался туда и сюда по келье, так быстро, что Ама не поспевала за ним взглядом; но блестящие глаза целителя внимательно следили за его полетом, и, когда он снова повис вниз головой на балке и укрылся темными крыльями, старик встал и принялся ходить от полки к полке, от кувшина к кувшину, от коробки к коробке – тут зачерпывал ложку порошка, там добавлял щепотку трав, точно в том порядке, в каком облетал их деймон. Все ингредиенты он ссыпал в ступку и растер, бормоча заклинания. Потом постучал пестиком по звонкому краю ступки, чтобы сбросить последние крошки, взял кисточку и тушь и на листке бумаги начертил какие-то значки. Когда тушь высохла, он высыпал порошок на бумагу с надписью и ловко сложил из нее квадратный пакетик.

– Пусть они кисточкой закладывают порошок в ноздри спящему, понемногу при каждом вдохе, – сказал старик, – и он проснется. Это надо делать с большой осторожностью. Если слишком много сразу, он задохнется. И самой мягкой кисточкой.

– Спасибо вам, Пагдзын тулку. – Ама взяла пакетик и засунула в карман самой нижней рубашки. – Жалко, у меня нет для вас еще одной медовой лепешки.

– Одной достаточно, – сказал целитель. – Ступай и, когда придешь в следующий раз, скажи мне всю правду, а не половину.

Девочка была сконфужена и, чтобы скрыть смущение, поклонилась до земли.

Она надеялась, что выдала не слишком много.

Следующим вечером, как только освободилась, она поспешила в долину, захватив с собой сладкого риса, завернутого в широкий мясистый лист. Ей не терпелось рассказать женщине о том, что она сделала, дать ей лекарство, услышать от нее похвалу и принять благодарность, но больше всего ей хотелось, чтобы спящая очнулась от колдовского сна и поговорила с ней. Они могут стать подругами!

Но за поворотом тропинки, посмотрев наверх, она не увидела у входа в пещеру ни золотой обезьяны, ни терпеливой женщины. Пусто. Последние несколько метров она пробежала в страхе, что они ушли совсем, – но стул женщины был на месте, и принадлежности для стряпни, и все остальное.

С бьющимся сердцем Ама заглянула в темную пещеру. Нет, девочка не проснулась: в сумраке Ама разглядела очертания спального мешка, более светлое пятно – ее волосы и белый клубок – ее спящего деймона. Она тихонько подошла поближе. Сомнений не было: они куда-то ушли и оставили заколдованную девочку одну.

Ясная, как музыкальная нота, в голове родилась мысль: а что, если она сама разбудит девочку до их возвращения?..

Но она даже не успела обрадоваться этой идее – на тропинке послышались шаги, и вместе с деймоном она виновато юркнула за каменный выступ в боку пещеры. Ей не полагалось здесь быть. Она шпионила. Это нехорошо.

А золотая обезьяна уже присела у входа, пригнувшись и поворачивая голову из стороны в сторону. Ама увидела, что она скалит острые зубы, и почувствовала, как ее деймон, приняв вид мыши и дрожа, зарылся в ее одежду.

– Что такое? – спросила женщина обезьяну, и в пещере стало еще темнее, потому что ее фигура загородила вход. – Девочка приходила? Да... оставила еду. Но входить ей не следовало. Надо договориться о месте на тропинке, пусть оставляет там.

Не взглянув на спящую, женщина наклонилась, чтобы раздуть костер, и поставила греться кастрюлю с водой, а обезьяна присела рядом и наблюдала за тропинкой. Время от времени она поднималась и оглядывала пещеру, и Ама, которой было тесно и неудобно в ее убежище, ругала себя за то, что вошла, а не подождала снаружи. Сколько еще ей сидеть в этой западне?

Женщина сыпала в горячую воду какие-то порошки и травы. По пещере распространился вместе с паром резкий запах. В глубине послышались звуки – это завопилась и забормотала девочка. Ама повернула голову: спящая шевелилась, переворачивалась с боку на бок, закрывала рукой глаза. Она просыпалась! А женщина не обращала на нее внимания!

Она все слышала и даже оглянулась на дочь, но тут же снова занялась своим отваром. Налила его в металлический стакан, поставила стакан на пол и только тогда повернулась к просыпавшейся девочке. Ама не понимала их речь, но прислушивалась к ней со все возрастающим удивлением и недоверчивостью.

– Тихо, дорогая, – говорила женщина. – Не надо беспокоиться, ты в безопасности.

– Роджер... – бормотала девочка в полусне. – Серафина! Куда делся Роджер... Где он?

– Тут только мы с тобой, – нараспев, почти воркуя, приговаривала мать. – Поднимись, дай маме тебя вымыть... Поднимайся, любимая...

Ама наблюдала, как девочка со стонами выбирается из сна, пытается оттолкнуть мать, а та, окунув губку в тазик с водой, обмывает ей лицо и тело, а потом вытирает досуха.

К этому времени девочка почти совсем проснулась, и женщине приходилось действовать быстрее.

– Где Серафина? И Уилл? Помогите, помогите! Я не хочу спать... Нет, нет! Не буду! Нет!

Железной рукой женщина держала стакан у ее рта, а другой пыталась поднять ей голову.

– Тихо, милая... успокойся... не шуми... выпей чай...

Но девочка оттолкнула ее, чуть не разлив отвар, и закричала еще громче:

– Отстань! Я хочу уйти! Пусти меня! Уилл, Уилл, помоги... помоги мне...

Женщина крепко схватила ее за волосы, отогнула голову и сунула ко рту стакан.

– Не хочу! Только тронь меня, Йорек оторвет тебе голову! Йорек, где ты? Йорек Бирнисон, помоги мне! Йорек! Не хочу... не хочу...

Тогда по команде женщины золотая обезьяна прыгнула на деймона Лиры и схватила его жесткими черными пальцами. Ама никогда еще не видела, чтобы деймон менял облик с такой быстротой: кот – змея – крыса – лиса – птица – волк – гепард – ящерица – хорек...

Но обезьяна держала его мертвой хваткой, и тогда Пантелеймон превратился в дикобраза. Обезьяна взвизгнула и отпустила его. В ее лапе торчали три дрожащие иглы. Миссис Колтер зарычала и тыльной стороной ладони ударила Лиру по лицу с такой силой, что та повалилась навзничь. Не успела она опомниться, как ко рту ее был поднесен стакан, и ей оставалось только проглотить содержимое или задохнуться.

Аме хотелось заткнуть уши: бульканье, плач, кашель, всхлипывание, мольбы, рвотные потуги – слышать это было невыносимо. Но постепенно все стихло, только раза два всхлипнула девочка и снова погрузилась в сон. Заколдованная? Отравленная! Одурманенная, обманутая! Ама увидела белую полосу, появившуюся на шее девочки, – это ее деймон с трудом превратился в длинного гибкого, снежно-белого зверька с блестящими черными глазками и черным кончиком хвоста и улегся на ее горле.

А женщина тихо напевала, убаюкивала девочку, убирала прядки волос с ее лба, обтирала разгоряченное лицо, и даже Ама понимала, что она не знает слов песенки, – это были бессмысленные звуки, «ля-ля-ля», «ба-ба-бу-бу», – вот что выводила она нежным голосом. Наконец пение прекратилось, и тогда женщина сделала что-то странное. Взяла ножницы и подкоротила спящей девочке волосы, поворачивая ее голову так и эдак, чтобы получилось как можно ровнее. Потом взяла русую прядку и спрятала в маленький золотой медальон, который носила на шее. Ама догадалась, зачем: она собиралась колдовать с помощью волос; но сначала женщина поцеловала медальон... Да, все это было странно.

Золотая обезьяна вытащила из лапы последнюю иглу дикобраза и что-то сказала женщине, а та подняла руки и сняла с потолка пещеры спящую летучую мышь. Маленькое черное существо затрепыхалось и запищало тонким пронзительным голосом; потом Ама увидела, что женщина отдала летучую мышь обезьяне, а та стала оттягивать и оттягивать черное крыло, пока оно не обломилось и не повисло на белом сухожилии. Умиравшая мышь при этом кричала, а ее товарки в мучительном недоумении метались по пещере. Крак – крак – крак – золотая обезьяна разорвала летучую мышь на части, а женщина хмуро улеглась на спальный мешок возле костра и съела палочку шоколада.

Прошло еще сколько-то времени. Наступила ночь, взошла луна, и женщина со своим деймоном уснули.

Ама, у которой от напряжения и неудобной позы затекли ноги, выбралась из своего убежища, на цыпочках прошла мимо спящих и неслышно спустилась до середины тропинки.

Подгоняемая страхом, она побежала дальше по узкой тропе, а ее деймон, сова, летел рядом, бесшумно взмахивая крыльями. Чистый холодный воздух, бегущие навстречу вершины деревьев, лунное свечение облаков в темном небе с миллионами звезд, – все это немного ее успокоило. Завидя горстку каменных домиков, она остановилась, и деймон уселся ей на кулак.

– Она обманывала! – сказала Ама. – Она врала нам! Что нам делать, Куланг? Надо сказать папе? Что мы можем сделать?

– Не говори, – ответил деймон. – Лишнее беспокойство. У нас есть лекарство. Мы можем ее разбудить. Можем пойти туда, когда женщина отлучится, разбудим девочку и уведем.

От этой мысли обоим стало страшно. Но она была высказана, бумажный пакетик лежал в кармане у Амы целехонек, и они знали, как им воспользоваться.

...проснуться. Я ее не вижу... Думаю, она где-то близко... она сделала мне больно...

– Лира, только не пугайся! Если ты тоже испугаешься, я сойду с ума.

Они хотели обнять друг друга, но их руки прошли сквозь пустоту. Лира хотела объяснить, о чем она говорит, и зашептала в темноте, совсем близко к его маленькому бледному лицу:

– Я просто стараюсь проснуться... Я боюсь, что просплю всю жизнь, а потом умру... я хочу до этого проснуться! Пускай хоть на час, хоть час быть живой и не спать... Не знаю даже, на самом ли деле все это происходит... но я помогу тебе, Роджер! Клянусь!

– Но если тебе это снится, Лира, ты можешь потом не поверить в это, когда проснешься. Со мной бы так и было, я бы подумал, что это был только сон.

– Нет! – с жаром сказала она и...

Адамантовая башня

Престол
Всевышнего хотел поколебать
И с господом сравняться, возмутив
Небесные дружины...

Джон Мильтон
(перевод Арк. Штейнберга)

Озеро расплавленной серы, протянувшееся по всей длине колоссального каньона, выдыхало ядовитые испарения, преграждая путь одинокой крылатой фигуре, которая стояла на его берегу.

Если он поднимется в небо, вражеские разведчики, заметившие его, а потом потерявшие, немедленно его увидят; но если он останется на земле, то путь в обход этой отравленной пропасти займет так много времени, что он может опоздать со своей вестью.

Приходилось рискнуть. Он дождался момента, когда над желтой поверхностью вздулось облако зловонного дыма, и ринулся вверх, в самую его гущу.

Четыре пары глаз в разных частях неба увидели это короткое движение, и сразу же четыре пары крыльев взбили дымный воздух и понесли наблюдателей к облаку.

Затем началась погоня, где преследователи не видели дичь, а дичь вообще ничего не видела. Тот, кто первым вырвется из облака на дальней стороне озера, получит преимущество, и для одного это будет означать спасение, а для другого – удачную охоту.

К несчастью для преследуемого, он вылетел из мглы на несколько секунд позже, чем один из охотников. Они тут же сблизились, таща за собой дымные хвосты, оба одурманенные зловонными парами. Поначалу преследуемый брал верх, но потом вылетел другой охотник и, схватившись в стремительной и яростной борьбе, извиваясь в воздухе, как языки пламени, они взлетали и падали, и снова взлетали, чтобы рухнуть в конце концов среди скал на дальнем берегу озера. Другие два охотника так и не вырвались из облака.

На западном краю зубастого горного хребта, на вершине, откуда открывался вид на широкую равнину внизу и долины позади, стояла, словно выросшая из горы, выдавленная из недр миллион лет назад вулканическими силами базальтовая крепость. В огромных катакомбах под неприступными стенами хранились всевозможные запасы; в арсеналах оснащались, калибровались и испытывались военные машины; в глубинных кузницах вулканический огонь ревел в громадных горнах и литейных, где титан и фосфор соединялись в неизвестные и не использовавшиеся прежде сплавы.

На самой открытой стороне крепости, в тени контрфорса, где исполинская стена вырастала прямо из древних потоков лавы, была маленькая дверь, скрытый ход; днем и ночью за ней стоял часовой и допрашивал каждого желающего войти.

Пока менялся караул на бастionaх вверху, часовой топал ногами и хлопал себя по плечам руками в перчатках, пытаюсь согреться, – это был самый холодный час ночи, и маленькая гарная лампа на кронштейне рядом с ним не давала никакого тепла. Он должен был смениться через десять минут и уже мечтал о кружке горячего шоколада, щепотке курительного листа, а главное, о постели.

Меньше всего на свете он ожидал стука в дверь.

Однако он был начеку: он сразу открыл глазок и одновременно открыл кран, пропускавший струйку гарного масла к запальнику снаружи с контрфорсе. Осветились три фигуры в капюшонах, державшие на руках тело неопределенных очертаний – судя по виду, это был больной или раненый.

Ближайший носильщик откинул капюшон. Лицо его было знакомо часовому, тем не менее он сказал пароль и объяснил:

– Мы нашли его у серного озера. Говорит, что его зовут Барухом. У него срочное сообщение для лорда Азриэла.

Часовой отпер дверь, и его деймон, терьер, задрожал, когда трое пришедших стали с трудом протаскивать свою ношу через узкий вход. Потом собака заскулила и тут же смолкла, а часовой увидел, что несут они ангела, раненного. Ангела низкого чина, малосильного, но все же ангела.

– Положите его в караулке, – сказал часовой, а сам покрутил ручку телефона и доложил начальнику караула о происшествии.

* * *

Над самым высоким бастioном крепости высилась адамантовая башня: один марш лестницы и несколько комнат с окнами, выходящими на север, на юг, на восток и на запад. В самой большой – стол со стульями и шкаф с картами, в другой – походная койка. Третьим помещением была небольшая ванная. В башне, за столом, заваленным бумагами, сидел лорд Азриэл, а напротив него – начальник разведки. Над столом висела гарная лампа, рядом стояла жаровня с углями для обогрева комнаты – ночь была студеная. На кронштейне возле двери примостился полевой лунь.

Начальника разведки звали лорд Рок. Внешность его была поразительна: ростом с ладонь лорда Азриэла и тонкий, как стрекоза. Но остальные командиры обращались с ним крайне почтительно, поскольку при нем всегда было оружие – шпоры с ядом.

Он имел обыкновение сидеть на столе и на всякое обращенное к нему слово, если оно не было предельно вежливым, отвечать высокомерно и злобно. Он и его народ, галливспайны, не обладали качествами, необходимыми хорошим шпионам, за исключением, конечно, роста: они были настолько горды и обидчивы, что никак не могли бы действовать незаметно, будь они ростом с лорда Азриэла.

– Да, – резко и отчетливо произнес лорд Рок, причем глаза его блеснули, как капельки чернил. – Ваша дочь, милорд: я знаю о ней. Очевидно, знаю больше вашего.

Лорд Азриэл посмотрел на него в упор, и малыш сразу понял, что злоупотребляет вежливостью главнокомандующего: взгляд лорда Азриэла был как щелчок, шпион потерял равновесие и вынужден был схватиться за бокал лорда Азриэла. Мгновением позже лицо лорда Азриэла снова приобрело

невинно-вежливое выражение, точь-в-точь как у его дочери, и после этого лорд Рок стал вести себя осторожнее.

– Не сомневаюсь, лорд Рок, – сказал лорд Азриэл. – Но по неизвестным мне причинам на девочке сосредоточилось внимание церкви, и я хочу знать почему. Что там говорят о ней?

– Магистериум возбужден и озабочен; в одном подразделении говорят одно, другое подразделение что-то исследует, и каждое старается держать свои открытия в секрете от других. Наиболее активны Дисциплинарный Суд Консistorии и Общество Трудов Святого Духа. В обоих у меня шпионы, – сказал лорд Рок.

– Так вы проникли в Общество? – спросил лорд Азриэл. – Поздравляю. Прежде оно было закрыто наглухо.

– Мой шпион в Обществе – дама Салмакия, весьма искусный агент. Там есть священник, на его деймона она сумела воздействовать, когда они спали. Под ее внушением этот человек совершил запрещенный ритуал для вызова Мудрости. В критический момент дама Салмакия появилась перед ним. Теперь священник думает, что может сноситься с Мудростью, когда пожелает, и что Мудрость является ему в облике галливспайны и обитает в его книжном шкафу.

Лорд Азриэл улыбнулся и сказал:

– И что она выяснила?

– По мнению Общества, ваша дочь – самый важный ребенок в истории. Они полагают, что в скором времени разразится величайший кризис и что судьба всего сущего зависит от того, как она поведет себя в это время. Что до Дисциплинарного Суда Консistorии, он сейчас ведет расследование и привлек свидетелей из Больвангара и других мест. Мой шпион в Суде, кавалер Тиалис, ежедневно сносится со мной посредством магнетитового резонатора и сообщает о том, что им удастся выяснить. Насколько я понимаю, Общество Трудов Святого Духа очень скоро определит местонахождение ребенка, но ничего в связи с этим не предпримет. У Дисциплинарного Суда на это уйдет несколько больше времени, но он будет действовать решительно и без промедления.

– Как только выясните что-то еще, сразу мне сообщите.

Лорд Рок поклонился, шелкнул пальцами, и маленький лунь, сидевший на кронштейне у двери, расправил крылья и подлетел к столу. На нем было седло, уздечка и стремяна. Лорд Рок вспрыгнул ему на спину, и они вылетели в окно, которое распахнул для них лорд Азриэл.

Несмотря на жгучий холод, он закрыл его не сразу, а облокотился на подоконник, поглаживая уши снежного барса, своего деймона.

– Она пришла ко мне на Свальбард, и я ею пренебрег, – сказал он. – Ты помнишь это потрясение... Мне нужна была жертва, ребенок – и первой появляется моя дочь... Но когда я понял, что с ней пришел еще один, у меня камень с души свалился. Неужели это была роковая ошибка? Я и не вспоминал о ней после этого ни разу, – а от нее все зависит, Стелмария.

– Рассудим, – отвечал ему деймон. – Что она может сделать?

– Сделать? Немного. Может быть, она что-то знает?

– Она овладела алетиометром; у нее есть доступ к знанию.

– В этом нет ничего особенного. Она не одна такая. И куда она, будь я проклят, делась?

В дверь постучали, и он мгновенно обернулся.

– Милорд, – сказал вошедший офицер, – через западный вход только что доставили ангела... раненого... он настойчиво просит, чтобы его допустили к вам.

Минутой позже Барух уже лежал на складной кровати, внесенной в главную комнату. Вызвали медика, но жить ангелу оставалось недолго: крылья его были изодраны, глаза мутны.

Лорд Азриэл сел поближе и бросил горсть травы на угли в жаровне. Как и в тот раз, когда дым костра позволил Уиллу лучше разглядеть фигуры ангелов, так и сейчас явственно обозначилось тело Баруха.

– Я вас слушаю, сэр, – сказал лорд Азриэл, – что вы хотели сообщить?

– У меня три сообщения. Только позвольте мне закончить с ними, прежде чем заговорите сами. Меня зовут Барух. Мой товарищ Бальтамос и я принадлежим к партии мятежников и встали под ваше знамя, как только оно было поднято. Но, поскольку собственные наши силы малы, мы хотели принести вам нечто ценное, и недавно нам удалось найти путь к сердцевине Заоблачной горы, цитадели Властителя. И там мы узнали...

Он сделал паузу, чтобы вдохнуть травяного дыма, как будто добавившего ему сил. И продолжал:

– Мы узнали правду о Властителе. Мы узнали, что он удалился в хрустальный чертог в глубине Заоблачной горы и больше не управляет повседневными делами царства. Он предается размышлениям о глубочайших тайнах. Вместо него и от его имени правит ангел по имени Метатрон. Смею думать, что хорошо знаю этого ангела, хотя, когда я знал его...

Голос Баруха ослаб. Глаза у лорда Азриэла горели, но он сдерживался и молчал, дожидаясь продолжения.

– Метатрон горд, – продолжал Барух, собрав силы, – и амбиции его безграничны. Четыре тысячи лет назад Властитель назначил его своим Регентом, и планы они строили вместе. У них новый план, нам с товарищем удалось его выведать. Властитель считает, что мыслящие существа всех видов стали угрожающе независимы, поэтому Метатрон намерен гораздо активнее вмешиваться в людские дела. Он хочет тайно перевести Властителя из Заоблачной горы в постоянную цитадель где-то в другом месте, а саму гору превратить в военную машину. Церкви во всех мирах, считает он, растлились и ослабели, слишком легко идут на компромиссы... Он хочет учредить в каждом из миров постоянную инквизицию, управляемую непосредственно Престолом. И первая его кампания будет против вашей республики...

Оба дрожали, и ангел, и человек, но один от слабости, а другой от возбуждения. Барух напряг последние силы и продолжал:

– Теперь второе сообщение. Есть нож, который может прорезать ходы между мирами и резать все, что в них находится. Возможности его безграничны, – но только в руках того, кто способен им пользоваться. Это мальчик...

Ангел был вынужден взять передышку. Он был испуган, он чувствовал, как распадается его существо. Лорд Азриэл видел, каких усилий ему стоит

удерживать себя в целости, и сидел, вцепившись в подлокотники кресла, пока Барух собирался с силами, чтобы продолжить речь.

– Сейчас с этим мальчиком мой товарищ. Мы хотели привести его прямо к вам, но он отказался, потому что... И это третье, что я хотел вам сказать. Он и ваша дочь – друзья. И он отказывается идти к вам, пока не найдет ее. Она...

– Кто этот мальчик?

– Он сын шамана. Станислауса Груммана.

Лорд Азриэл был так удивлен, что невольно встал, отогнав в сторону ангела новые клубы дыма.

– У Груммана был сын? – сказал он.

– Грумман родился не в вашем мире. Настоящее его имя не Грумман. Нас с товарищем привело к нему то, что он сам хотел найти нож. Мы следовали за ним, зная, что он приведет нас к носителю ножа. И хотели привлечь носителя на вашу сторону... Но мальчик не хочет...

Баруху опять пришлось замолчать.

Лорд Азриэл сел, проклиная свою нетерпеливость, и подкинул травы в жаровню. Его деймон лежал рядом, медленно подметая хвостом дубовый пол и не спуская глаз с измученного лица ангела. Барух несколько раз вздохнул; лорд Азриэл хранил молчание. Единственным звуком было хлопанье веревки на флагштоке.

– Не торопитесь, сэр, – мягко сказал лорд Азриэл. – Вы знаете, где моя дочь?

– В Гималаях... в ее собственном мире, – прошептал Барух. – Высокие горы, пещера над долиной радуг...

– Далеко отсюда, в обоих мирах. Вы быстро летели.

– Это мой единственный дар, – сказал Барух, – кроме любви Бальтамоса, которого я больше никогда не увижу.

– Но если вы ее так легко нашли...

– То и любой другой ангел сможет.

Лорд Азриэл выхватил из шкафа большой атлас и стал листать, ища страницы с Гималаями.

– Можно точнее? – спросил он. – Можете точно показать мне, где?

– С ножом... – забормотал Барух, и лорд Азриэл понял, что мысли его блуждают. – С ножом он может войти в любой мир и выйти... Его имя – Уилл, но они в опасности, он и Бальтамос... Метатрон знает, что нам известна его тайна. Они преследовали нас... Они перехватили меня на границе вашего мира... Я был его братом... Вот как мы нашли путь к нему в Заоблачной горе. Метатрон когда-то был Енохом, сыном Иареда, сына Малелеила... У Еноха было много жен. Он любил плоть... Мой брат Енох отверг меня, потому что я... О, милый Бальтамос...

– Где девочка?

– Да. Да. Пещера... ее мать... долина ветров и радуг... Изодранные флаги над святилищем...

Он приподнялся, чтобы заглянуть в атлас.

В это мгновение снежный барс вскочил и прыгнул к двери, но было уже поздно. Адъютант постучался и сразу открыл ее, не дожидаясь ответа. Здесь все делалось без промедления, ничьей вины тут не было; но, увидев, с каким выражением адъютант смотрит мимо него, лорд Азриэл обернулся. Барух дрожал, напрягая все силы, чтобы удержать свое раненое тело от распада. Сил уже не хватило. Ветерок из открытой двери долетел до кровати, и частицы тела ангела, уже обособившиеся из-за недостатка сил, взвились вверх и рассеялись в пустоте, исчезли.

– Бальтамос! – прошелестело в воздухе.

Лорд Азриэл положил руку на загривок деймона; снежный барс почувствовал, что она дрожит, и успокоил ее. Лорд Азриэл повернулся к адъютанту.

– Простите меня, милорд...

– Вы не виноваты. Передайте мой привет королю Огунве. Буду рад, если он и другие командиры немедленно прибудут сюда. И надо, чтобы присутствовал мистер Василид с алетиометром. И наконец, приказываю заправить и привести в боевую готовность эскадрилью гироптеров, а также дирижабль-заправщик и немедленно направить их на юго-запад. Дальнейшие распоряжения они получают в воздухе.

Адъютант отдал честь и, еще раз кинув смущенный взгляд на пустую койку, вышел и закрыл дверь.

Лорд Азриэл постучал по столу бронзовым циркулем и отошел, чтобы открыть южное окно. Далеко внизу в сумерках горели негаснущие огни и поднимался дым; даже на этой высоте, сквозь вой ветра, слышен был стук молотов.

– Что ж, мы много узнали, Стелмария, – тихо сказал он.

– Но недостаточно.

В дверь снова постучались, и вошел алетиометрист. Это был средних лет, бледный, худой человек; звали его Тевкр Василид, и его деймоном был соловей.

– Добрый вечер, мистер Василид, – сказал лорд Азриэл. – У нас проблема, и я прошу вас заняться ею сразу, отодвинув на время все остальное...

Он пересказал ученому то, что сообщил Барух, и показал атлас.

– Найдите эту пещеру. Определите ее координаты как можно точнее. Более важной задачи у вас еще не было. Пожалуйста, приступайте немедленно.

...топнула с такой силой, что ноге стало больно даже во сне.

– Ты не веришь, что я это сделаю, Роджер, так что молчи. Я проснусь, и я не забуду. Вот так!

Она огляделась и не увидела ничего, кроме широко раскрытых глаз и лиц, выражавших отчаяние, бледных лиц, темных лиц, старых лиц, молодых лиц, – мертвые теснились и напирали, безмолвные и тоскливые.

У Роджера было другое лицо. Только в нем теплилась надежда.

Она сказала:

– Почему ты не похож на них? Почему ты не такой жалкий? Почему ты не потерял надежду?

И он сказал:

– Потому что...

Глава шестая

Упреждающее отпущение

...четки, буллы, мощи,
Обрывки индульгенций, лоскуты Помиловании...

Джон Мильтон
(перевод Арк. Штейнберга)

– А теперь, брат Павел, – сказал Следователь Дисциплинарного Суда Консistorии, – прошу вас, если сможете, точно вспомнить слова, сказанные на корабле ведьмой.

В тусклом предвечернем свете двенадцать членов Суда рассматривали служителя церкви на свидетельском месте. Это был ученого вида священник, и деймон его имел вид лягушки. Суд уже восемь дней выслушивал свидетелей по этому делу в древнем высокобашенном Колледже Святого Иеронима.

– Я не могу в точности припомнить слова ведьмы, – устало сказал брат Павел. – Как я доложил вчера суду, раньше мне не доводилось видеть пытки, и я почувствовал слабость и дурноту. Так что точно повторить ее слова я не смогу, но смысл их помню. Ведьма сказала, что кланы Севера признали в девочке Лире ту, о ком было пророчество, известное им с давних времен. Ей предстоит сделать роковой выбор, от ее выбора зависит будущее всех миров. А кроме того, есть имя, которое заставляет вспомнить аналогичный случай, и оно внушит церкви страх и ненависть по отношению к девочке.

– Ведьма назвала это имя?

– Нет. Она не успела его произнести – другая ведьма, присутствовавшая под покровом невидимости, сумела убить ее и скрыться.

– Так что в данном случае эта женщина Колтер не слышала имени?

– Совершенно верно.

– И вскоре миссис Колтер отбыла?

– Да, так.

– Что вы выяснили после этого?

– Я выяснил, что девочка перешла в другой мир через брешь, проделанную лордом Азриэлом, и пользуется помощью мальчика, который имеет в своем распоряжении нож, обладающий необыкновенными свойствами, – сказал брат Павел. Потом он нервно откашлялся и спросил: – Я могу говорить перед Судом вполне свободно?

– Совершенно свободно, брат Павел, – последовал резкий отчетливый ответ Президента. – Вас не накажут за то, что вы услышали от других. Прошу вас продолжайте.

Священник с облегчением продолжал:

– Нож, принадлежащий этому мальчику, способен проделывать ходы между мирами. Но он обладает еще большими возможностями... мне страшно сказать... он способен убивать самых высших ангелов и того, кто выше их. Нет такого, чего не мог бы уничтожить этот нож.

Он потел и дрожал, а лягушка, его деймон, от волнения упала с помоста на пол. Брат Павел охнул от боли и, быстро подобрав ее, дал ей глотнуть воды из своего стакана.

– Вы пытались еще что-нибудь разузнать о девочке? – спросил Следователь. – Выяснили имя той, о ком говорила ведьма?

– Да. И я опять прошу у Суда заверений, что...

– Они вам даны, – оборвал его Президент. – Не бойтесь. Вы не еретик. Доложите, что вы выяснили. Не отнимайте у нас время.

– Низайше прошу прощения. Этому ребенку предназначено повторить роль Евы, жены Адама, нашей общей прародительницы и причины всяческого греха.

Стенографистки, записывавшие каждое слово, были монахини ордена Святой Филомелы, давшие обет молчания; но при этих словах брата Павла одна из них сдавленно охнула, и за их столом замелькали руки: женщины осеняли себя крестным знамением. Брат Павел поежился и продолжал:

– Позвольте напомнить: алетиметр не предсказывает; он говорит: «Если то-то и то-то произойдет, тогда последствия будут...» – и так далее. И он говорит, что, если этот ребенок подвергнется искушению, как Ева, то, вероятнее всего, согрешит. От исхода будет зависеть... всё. И если искушение возникнет и девочка поддастся ему, тогда восторжествуют Пыль и грех.

Все стихло в зале суда. Тусклый солнечный свет просачивался сквозь огромные окна в свинцовых переплетах, и в косых его лучах роились миллионы золотых пылинок. Это была пыль, не Пыль; но не одному судье увиделся в ней образ той другой, невидимой Пыли, что собирается на каждом человеке, как бы послушно ни исполнял он законы.

– А теперь, брат Павел, – сказал Следователь, – сообщите нам, что вам известно о нынешнем местонахождении девочки.

– Она в руках у миссис Колтер, – сказал брат Павел. – И они в Гималаях. Пока что большего я не могу сказать. Я сейчас же пойду и постараюсь уточнить место. И как только установлю, сообщу Суду... но...

Он замолчал, съежившись от страха, и дрожащей рукой поднес к губам стакан.

– Да, брат Павел? – сказал отец Макфейл. – Ничего не утаивайте.

– Отец Президент, я думаю, что Общество Трудов Святого Духа знает об этом больше, чем я. – Он проговорил это почти шепотом.

– Вот как? – сказал Президент, и глаза его вспыхнули.

Деймон брата Павла тихонько квакнул. Священник знал о соперничестве между разными подразделениями Магистериума и знал, что попасть под их перекрестный огонь очень опасно; но скрывать свои сведения было бы еще опаснее.

– По-моему, – с дрожью в голосе продолжал он, – они гораздо ближе к тому, чтобы точно выяснить местонахождение ребенка. У них есть другие источники сведений, закрытые для меня.

– Действительно, – сказал Следователь. – Вы установили это с помощью алетометра?

– Да.

– Хорошо, брат Павел. Я попрошу вас продолжать ваши изыскания. Все, что вам понадобится по линии церкви или секретарской помощи, – к вашим услугам. Можете быть свободны.

Брат Павел поклонился и, с лягушкой-деймоном на плече, собрал свои записи. Он вышел из зала. А монахини тем временем разминали пальцы.

Отец Макфейл постучал карандашом по старинному дубовому столу.

– Сестра Агнесса, сестра Моника, – сказал он. – Вы тоже можете идти. К концу дня, пожалуйста, положите расшифровку мне на стол.

Монахини наклонили головы и удалились.

– Джентльмены, – сказал Президент (так было принято обращаться друг к другу в Суде Консистории), – приступим к совещанию.

Двенадцать членов Суда, от старейшины (дряхлого, со слезящимися глазами отца Макепве) до самого молодого (отца Гомеса, бледного и неистово фанатичного), собрали бумаги и вслед за Президентом перешли в совещательную комнату, где, сидя друг против друга за длинным столом, могли беседовать без посторонних.

Нынешним Президентом Суда Консистории был шотландец Хью Макфейл. Его избрали молодым; пост Президента был пожизненным, а Макфейлу шел только пятый десяток, и предполагалось, что он еще много лет будет вершить делами Суда Консистории и, тем самым, всей церкви. Человек внушительной наружности, высокий, смуглый, с гривой жестких седых волос, он, наверное, располнел бы, если бы не суровое отношение к собственному телу: он пил только воду, ел только хлеб и фрукты и ежедневно упражнялся целый час под наблюдением тренера, готовившего спортсменов-чемпионов. Поэтому он был поджар, морщинист и подвижен. Деймоном его была ящерица.

Когда они расселись, отец Макфейл сказал:

– Итак, положение вещей понятно. Перед нами стоят следующие проблемы.

Во-первых, лорд Азриэл. Ведьма, дружественная церкви, сообщила, что он собирает большую армию, включая, возможно, ангельские силы. Намерения его, насколько выяснила ведьма, враждебны церкви и самому Властителю.

Во-вторых, Жертвенный Совет. Его исследовательская программа в Больвангаре и финансирование деятельности миссис Колтер указывают на то, что он надеется занять место Дисциплинарного Суда Консistorии в качестве самого могущественного и действенного подразделения Святой Церкви. Нас обходят, джентльмены. Они действуют умело и безжалостно. Нас следовало бы наказать за то, что мы по своей вялости допустили такое. К нашим задачам в связи с этим я вернусь чуть позже.

В-третьих, мальчик, о котором говорил брат Павел, и нож с необычными свойствами. Ясно, что мы должны как можно скорее разыскать мальчика и завладеть ножом.

В-четвертых, Пыль. Я предпринял шаги, дабы установить, что узнал о ней Жертвенный Совет. Одного из теологов-экспериментаторов, работавших в Больвангаре, мы убедили рассказать нам, что именно им удалось открыть. В конце дня я поговорю с ним внизу.

Кое-кто из членов суда поерзал: «внизу» – означало подвалы здания, выложенные белой плиткой, с выходами для антарного тока, звукоизолированные и с хорошим дренажем.

– Но что бы мы ни узнали о Пыли, – продолжал Президент, – мы должны постоянно иметь в виду нашу конечную цель. Жертвенный Совет стремился понять воздействие Пыли. Мы должны вообще ее уничтожить. Только так. Если для того, чтобы уничтожить Пыль, мы должны будем уничтожить Жертвенный Совет, Коллегию Епископов, все до единого органы Святой Церкви, посредством которых она совершает труд во имя Властителя, – да будет так. Быть может, джентльмены, сама Святая Церковь вызвана к жизни именно для того, чтобы исполнить эту работу и, совершив ее, погибнуть. Но лучше мир без Церкви и без Пыли, чем мир, где изо дня в день мы надрываемся под безобразной ношей греха. Лучше – мир, очищенный от всего этого!

Отец Гомес кивнул, восторженно сверкая глазами.

– И наконец, – сказал Макфейл, – девочка. Пока еще дитя, я думаю. Это Ева, которая будет искушаема; если она поддастся искушению, учитывая прошлый урок, то ее падение будет погибелью для всех нас. Джентльмены, из всех возможных решений проблемы, стоящей перед нами, я намерен предложить самое радикальное, и уверен, что вы согласитесь. Я предлагаю послать человека, чтобы он разыскал ее и убил до искушения.

– Отец Президент, – сразу откликнулся отец Гомес, – каждый день моей взрослой жизни я исполнял упредительную епитимью. Я изучал, я готовился...

Президент поднял руку. Упредительная епитимья и отпущение были доктринами, разработанными Судом Консistorии, но широкой церкви не известными. Они предполагали наказание за еще не совершенный грех, напряженное и жаркое раскаяние с самобичеванием, чтобы накопить в некотором роде кредит добродетели. И когда этот кредит достигал размеров, соответствующих определенному греху, кающемуся заранее давалось отпущение, хотя совершить этот грех у него, возможно, и не будет случая. Иногда, например, необходимо было убивать людей, и для убийцы было не так обременительно сделать это, будучи уже прощенным.

– О вас я и думал, – мягко сказал отец Макфейл. – Суд одобряет мой выбор? Да. Когда отец Гомес отправится с нашего благословения, он будет предоставлен сам себе, с ним нельзя будет связаться и отозвать его. Что

бы ни происходило в мире, он, как божья стрела, устремится прямо к девочке и поразит ее. Он будет невидим; он придет ночью, как ангел, поразивший ассирийцев; он будет безмолвен. Насколько лучше было бы для всех нас, если бы такой отец Гомес явился в сад Эдемский! Мы навсегда остались бы в раю.

Молодой священник чуть не плакал от гордости. Суд благословил его.

А в самом темном углу под потолком, спрятавшись между темных дубовых балок, сидел человек, ростом не больше ладони. На ногах его были шпоры, и он слышал каждое слово судей.

В подвале, под голой лампочкой, стоял человек из Больвангара, одетый только в грязную белую рубаху и мешковатые штаны без ремня. Одной рукой он придерживал их, а в другой держал деймона – крольчиху. Перед ним в кресле сидел отец Макфейл.

– Присядьте, доктор Купер, – заговорил Президент.

Кроме стула, деревянной койки и ведра, в камере ничего не было. Голос Президента неприятно отражался от белых кафельных стен и потолка.

Доктор Купер сел на койку, не сводя глаз с сухопарого седого Президента. Он облизал пересохшие губы и ждал следующей неприятности.

– Итак, вам почти удалось отделить девочку от ее деймона, – сказал отец Макфейл.

Дрожащим голосом доктор Купер ответил:

– Мы решили, что откладывать это нет смысла, поскольку эксперимент так или иначе надо было провести, и уже поместили ее в экспериментальную камеру, но вмешалась миссис Колтер и забрала ребенка к себе.

– Надо думать, это было огорчительно, – сказал отец Макфейл.

– Вся программа была чрезвычайно напряженной, – поспешил согласиться доктор Купер.

– Удивляюсь, что вы не обратились за помощью к Суду Консistorии. У нас здесь крепкие нервы.

– Мы... я... мы полагали, что программа санкционирована... Ее вел Жертвенный Совет, но нам сказали, что она одобрена Дисциплинарным Судом Консistorии. Иначе мы ни за что не стали бы участвовать. Ни за что!

– Ну разумеется. А теперь о другом. – Отец Макфейл перешел к истинной цели допроса. – Вам что-нибудь известно о предмете исследований лорда Азриэла? О том, каков мог быть источник колоссальной энергии, которую ему удалось высвободить на Свальбарде?

Доктор Купер сглотнул. В мертвой тишине оба услышали, как упала на бетонный пол капля пота, сорвавшаяся с его подбородка.

– Видите ли... – начал он, – один из сотрудников нашей лаборатории отметил, что в процессе сепарации выделяется энергия. Чтобы управлять ею, потребовались бы огромные силы, но так же, как детонатором атомного взрыва служит заряд обыкновенной взрывчатки, этого можно было добиться путем концентрации мощного антарного тока... Однако его не принимали

всерьез. Я не прислушивался к его идеям, – с чувством сказал он, – зная, что без одобрения властей они вполне могут быть еретическими.

– Очень разумно. А этот коллега – где он теперь?

– Он был среди тех, кто погиб при нападении.

Президент улыбнулся. Эта ласковость была так неожиданна, что деймон доктора Купера задрожал и припал к его груди.

– Мужайтесь, доктор Купер, – сказал отец Макфейл. – Мы нуждаемся в вашей силе и смелости! Перед нами великая задача, впереди – великая битва. Вы должны заслужить прощение Властителя, сотрудничая с нами, не утаивая ничего, даже самых нелепых предположений, даже сплетен. Сейчас вам необходимо полностью сосредоточиться на том, что вы помните из разговоров вашего коллеги. Ставил ли он эксперименты? Оставил ли записи? Доверял ли еще кому-нибудь свои открытия? Какой аппаратурой он пользовался? Вспомните все, вы получите перо и бумагу, столько, сколько нужно.

Эта комната не очень удобна. Мы переведем вас в более подходящее помещение. Какая, например, вам нужна мебель? Вы предпочитаете писать за столом или за бюро? Нужна ли вам буквопечатающая машина? Или вам удобнее диктовать стенографистке?

Сообщите охране, и вам будет предоставлено все необходимое. Но надо, чтобы вы ежесекундно думали о своем коллеге и его теории. Перед вами важная задача – вспомнить, а если необходимо, заново открыть то, что узнал он. Когда вы решите, какие приборы вам нужны, вам их предоставят. Это великая задача, доктор Купер! Вам оказано великое доверие! Возблагодарите Властителя.

– Я благодарен, отец Президент! Я благодарен!

Подхватив спадающие штаны, философ поднялся и, сам того не замечая, стал отвешивать поклон за поклоном вслед уходящему Президенту Дисциплинарного Суда Консистории.

Тем же вечером кавалер Тиалис, галливспайнский шпион, пробирался по улицам и переулкам Женевы на встречу со своей коллегой, дамой Салмакией. Это было опасное путешествие для них обоих, опасное и для тех, кто встал бы на их пути, – но для маленьких галливспайнов опасное смертельно. Не одна бродячая кошка приняла смерть от их шпор, но всего неделю назад кавалер чуть не потерял руку в схватке с шелудивым псом, и спасли его только решительные действия дамы.

Они встретились в седьмом из условленных мест, между корней платана, на невзрачной маленькой площади, и обменялись новостями. Агент дамы Салмакии в Обществе уведомил ее, что сегодня вечером там получили дружеское приглашение Президента Суда Консистории прийти и обсудить вопросы, представляющие обоюдный интерес.

– Времени не теряют, – сказал кавалер. – Сто против одного, что он не скажет им об убийце.

Он рассказал ей о плане убить Лиру. Салмакия не удивилась.

– Вполне логичное решение, – сказала она. – Большие логики. Тиалис, вы думаете, нам удастся когда-нибудь увидеть девочку?

– Не знаю, но хотелось бы. Счастливого пути, Салмакия. Завтра у фонтана.

Не упомянуто в этой короткой беседе было то, что никогда у них не обсуждалось: краткость их жизни по сравнению с людской. Галливспайны доживали до девяти или десяти лет, редко больше, а Тиалису и Салмакии шел восьмой год. Они не боялись старости, их народ умирал в расцвете сил, внезапно, и детство их было очень коротким; по сравнению с ними, жизнь такого ребенка, как Лира, простиралась в будущее так далеко, как жизни ведьм по сравнению с веком Лиры.

Кавалер вернулся в колледж Святого Иеронима и принялся составлять донесение, которое он отправит лорду Року по магнетитовому резонатору.

А пока он встречался с дамой Салмакией, Президент вызвал отца Гомеса. Они час молились в президентском кабинете, после чего отец Макфейл дал молодому священнику упредительное отпущение, после которого убийство Лиры вовсе не будет убийством. Отец Гомес преобразился: убежденность переполняла все его существо, и глаза будто излучали свет.

Они обсудили практические детали, деньги и тому подобное; затем Президент сказал:

– Отец Гомес, когда вы отправитесь в путь, вы будете совершенно отрезаны от нашей помощи. Возможно, вы никогда не вернетесь; вы не получите от нас никаких вестей. И самое лучшее, что я могу вам посоветовать: не ищите девочку. Это вас выдаст. Ищите соблазнительницу. Следуйте за соблазнительницей, и она приведет вас к девочке.

– Она? – спросил изумленный отец Гомес.

– Да, она, – подтвердил отец Макфейл. – Это сказал нам алетиметр. Мир, из которого придет искусительница, – странный мир. Вы увидите много такого, что озадачит и поразит вас, отец Гомес. Не допустите, чтобы странность этих вещей отвлекла вас от вашей священной задачи. Я верю, – ласково добавил он, – в прочность вашей веры. Ведомая силами зла, эта женщина держит путь к тому месту, где она может встретиться с девочкой и соблазнить ее. В том случае, конечно, если нам не удастся убрать ребенка оттуда, где он сейчас находится, – это наш первый план. Вы, отец Гомес, – наша окончательная гарантия того, что адские силы не восторжествуют. Если наш план сорвется.

Отец Гомес кивнул. Его деймон, большой переливчато-зеленый жук, щелкнул надкрыльями.

Президент выдвинул ящик и вручил молодому священнику стопку бумаг.

– Здесь все, что мы знаем об этой женщине, – сказал он, – откуда она происходит, и о месте, где ее видели в последний раз. Прочтите внимательно, мой дорогой Луис, и да будет благословен ваш путь.

Он впервые назвал священника по имени. Глаза у отца Гомеса зашипало от слез, и он поцеловал Президента на прощание.

...ты – Лира.

Тогда она поняла, что это значит. Она почувствовала, что у нее закружилась голова, даже во сне; почувствовала, какая ноша легла ей на плечи. И, делая ее еще тяжелее, наваливался сон, и лицо Роджера таяло во мраке.

– Да, я... я понимаю... На нашей стороне самые разные люди... доктор Малоун... знаешь, Роджер, есть другой Оксфорд, такой же, как наш. И она... Я нашла ее в... Она поможет... Но есть только один человек, который...

Мальчика уже почти невозможно было разглядеть, и мысли ее разбредались, как овцы на лугу.

– Мы можем ему доверять, Роджер, клянусь тебе, – проговорила она, напрягая последние силы, – ...

Глава седьмая

Мэри, одна

...и статные стволы
Деревьев, словно в пляске, наконец
Восстали, простирая ветви крон,
Сплошь в завязях обильных и плодах.

Джон Мильтон
(перевод Арк. Штейнберга)

Примерно в это же время соблазнительница, за которой предстояло следовать отцу Гомесу, сама боролась с соблазном.

– Спасибо, нет-нет, это все, что мне нужно, больше не надо, честное слово, спасибо, – говорила доктор Мэри Малоун пожилой чете в оливковой роще, а они все нагружали и нагружали ее снедью.

Они жили на отшибе, бездетные, и боялись Призраков, блуждавших среди серебристо-серых деревьев, но, когда по дороге пришла Мэри Малоун со своим рюкзаком, Призраки испугались и уплыли. Старики пригласили Мэри в свой увитый виноградом домик, потчевали ее вином, сыром, хлебом, оливками и теперь не хотели ее отпускать.

– Я должна идти, – повторила Мэри. – Спасибо, вы очень добры... Я не унесу... ах, хорошо, еще немного сыра... спасибо...

Они явно видели в ней талисман от Призраков. Хотела бы она им быть. За эту неделю в мире Читтагацце, с его запустением, она навидалась взрослых, съеденных Призраками, навидалась одичалых детей-мародеров, и ей самой внушали ужас и отвращение эти бестелесные вампиры. Она поняла только, что они уплывают при ее приближении, но не могла же она оставаться с каждым, кто хотел этого, – ей надо было идти.

Она закинула в рюкзак последнюю лепешку козьего сыра, завернутую в виноградные листья, улыбнулась, поклонилась и в последний раз глотнула из ключа, булькавшего между серыми камнями. Потом сложила ладони, в подражание хозяевам, повернулась и решительно пошла прочь.

Решительность ее была больше внешней. Когда Мэри последний раз общалась с теми, кого называла Тенями, а Лира – Пылью, они были на экране ее компьютера, и по их указанию она его уничтожила. И теперь была в замешательстве. По их совету она ушла через окно из своего Оксфорда, из мира, которому принадлежали и сама она, и Уилл, а этот новый, ни на что не похожий мир изумлял ее до трепета, до головокружения. Единственной ее задачей здесь было найти мальчика и девочку, после чего сыграть роль змея, что бы это ни значило.

И вот она шла, осматривалась, изучала этот мир и до сих пор ничего не нашла. Но теперь, решила она, свернув на дорожку, уводящую от оливковой рощи, ей понадобится совет.

Отойдя подальше от маленькой фермы, когда уже можно было не опасаться помех, она села под соснами и развязала рюкзак. На дне, завернутая в шелковый шарф, лежала книжка, доставшаяся ей двадцать лет назад, – китайская книга гаданий «И цзин».

Она взяла ее по двум причинам. Одна была сентиментальной – книгу дал ей дед, и она часто прибегала к ней в школьные годы. А другая причина была связана с Лирой. Когда Лира пришла к ней в лабораторию и спросила: «Что это?», показав на дверь, где висел лист со знаками из «И цзина», а вскоре после этого, с изумительной быстротой освоив компьютер, поняла (по ее словам), что Пыль может разговаривать с людьми самыми разными способами, и один из них – с помощью этих китайских символов.

Поэтому, наскоро собравшись перед тем, как покинуть свой мир, Мэри Малоун взяла с собой «Книгу перемен» – так она называлась – и стебельки тысячелистника, с помощью которых по ней гадают. И сейчас настало время ими воспользоваться.

Она расстелила на земле шелк и начала делить и считать пучки стеблей, делить и считать и откладывать, самозабвенно, как в отрочестве. С тех пор прошло много времени, она почти забыла процедуру. Но вскоре последовательность действий вспомнилась, и вместе с ней вернулось состояние сосредоточенности, столь необходимой для разговора с Тенями.

Наконец она получила числа, которые указывали на выпавшую ей гексаграмму, значок из шести прерванных или сплошных линий. Мэри раскрыла книгу, чтобы найти значение гексаграммы. Это была самая трудная часть: книга выражалась загадочно.

Мэри прочла:

Питание навыворот

– к счастью.

Тигр смотрит,

вперясь в упор.

Его желание

погнаться вслед.

Хулы не будет.

Это вселяло надежду. Она читала дальше, двигаясь по лабиринту толкований, пока не дошла до такого:

Неподвижно стоит гора; это боковая тропа; это означает маленькие камни, двери и проемы.

Ясности не было. Слово «проемы» напоминало о таинственном окне в воздухе, через которое она вошла в этот мир; а первые слова как будто означали, что она должна двигаться вверх.

В некотором недоумении, но все же приободрившись, она спрятала книжку и стебли тысячелистника и двинулась дальше по тропе.

Идти было жарко, и за четыре часа она устала. Солнце стояло низко над горизонтом. Неровная тропа кончилась, и чем дальше, тем труднее было пробираться между валунами и камнями помельче. Слева был склон, а под ним в вечерней дымке – оливковые и лимонные рощи, неухоженные виноградники и брошенные ветряные мельницы. Справа щебеночная и гравийная осыпь поднималась к гряде выветренных известняковых скал.

Она устало подпернула рюкзак, поставила ногу на следующий плоский камень – и замерла, не успев даже перенести на нее вес. В воздухе высветилось что-то странное, она загородила глаза от залитой солнцем осыпи и попыталась найти это место снова.

И увидела: будто лист стекла висел в воздухе без опоры – но стекла не отражающего, без бликов – просто квадратная заплатка в пространстве. И Мэри вспомнила, что говорилось в «И цзине»: боковая тропа, маленькие камни, двери и проемы.

Это было окно, такое же, как на Сандерленд-авеню. Мэри заметила его только благодаря освещению: стояло бы солнце чуть выше, и она, вероятно, ничего не заметила бы.

Стоя от любопытства, она подошла к воздушному лоскуту: в прошлый раз ей было некогда, надо было убраться как можно скорее. Но это окно она изучила подробно: трогала края, заходила сбоку, где оно становилось невидимым, дивилась абсолютному несходству здесь и там. Это было невероятно, голова у нее шла кругом.

Носитель ножа, проделавший окно приблизительно в эпоху Американской революции, не закрыл его по небрежности, а место за окном было очень похоже на то, что было по эту сторону, – тоже под скалой. Но порода по ту сторону была другая, не известняк, а гранит, и, шагнув через окно в новый мир, Мэри очутилась не у подножия высокого утеса, а почти на вершине низкого каменного гребня над широкой равниной.

Здесь тоже был вечер; она села, чтобы отдышаться, дать отдых ногам и без спешки впитать сознанием это чудо. Перед ней простиралась бескрайняя прерия или саванна, залитая золотым светом, – в своем мире Мэри ничего подобного не видела. Во-первых, эта равнина, поросшая короткой травой бесконечно разнообразных оттенков – бежевой, коричневой, зеленой, охристой, желто-золотой, – и волнистая, что особенно бросалось в глаза при косом вечернем освещении, вся была прошита как бы речками светло-серого камня.

Во-вторых, там и сям на равнине стояли купы деревьев, немыслимо огромных. Однажды, приехав в Калифорнию на конференцию по физике высоких энергий, Мэри выкроила время, чтобы посмотреть на громадные секвойи, и была

поражена их размерами. Но эти деревья превосходили их, по крайней мере, в полтора раза. У них были плотные темно-зеленые кроны, а красноватые стволы отливали золотом в закатном солнце.

И наконец, вдалеке паслись стада каких-то животных, но из-за расстояния разглядеть их как следует было невозможно. В их движениях было что-то странное – что именно, Мэри не могла понять.

Она смертельно устала, вдобавок хотелось пить и есть. К счастью, где-то неподалеку журчала вода, и через минуту Мэри нашла ее – чистый родник среди замшелых камней и крохотный ручеек, сбегавший по склону. Она долго и жадно пила, потом наполнила бутылки и устроилась на ночлег – небо быстро темнело.

В спальном мешке, прислонясь спиной к камню, она поела темного хлеба с козьим сыром и крепко уснула.

Проснувшись она оттого, что утреннее солнце било прямо в лицо. Воздух был еще прохладен, и роса мельчайшим бисером покрывала ее волосы и спальный мешок. Несколько минут она лежала, наслаждаясь свежестью утра, и чувствовала себя так, словно была первым человеком, появившимся во вселенной.

Она села, зевнула, потянулась, поежилась, а потом, умывшись в холодном роднике, съела несколько сушеных инжирин и снова внимательно оглядела окрестности.

За небольшим возвышением, где она ночевала, земля плавно уходила вниз, а дальше опять начинался подъем; зато впереди открывался широкий вид на прерию. Длинные тени деревьев протянулись сейчас в ее сторону, и там кружились стаи птиц, таких мелких, что на фоне высоченного зеленого полога они казались пылинками.

Собрав рюкзак, она двинулась вниз по жесткой густой траве к ближайшей купе деревьев, до которой было километров шесть-семь.

Трава доставала до колен, а внизу, на уровне щиколоток, стелились кустики наподобие можжевельников; кругом – цветы, похожие то на маки, то на лютики, то на васильки, – они и придавали дымчатую многотонность ландшафту. Потом Мэри увидела пчелу, крупную, размером с фалангу большого пальца, – пчела села на голубой цветок, он согнулся и закачался под ее тяжестью, но, когда она выбралась из чашечки и снова взлетела, Мэри поняла, что это вовсе не пчела: секундой позже она уселась ей на палец, нежно поднесла тоненький, как иголка, клюв к ее коже и, не обнаружив нектара, взлетела. Это был крохотный колибри; его крылья, с бронзовым опереньем, двигались так быстро, что расплывались в прозрачное пятно.

Как позавидовал бы ей любой биолог, если бы видел то, что видит она!

Она пошла дальше и вскоре приблизилась к стаду существ, которые паслись здесь вчера вечером и удивили ее странностью своих движений. Величиной они были с оленя или антилопу и похожей масти, но вот что заставило ее остановиться и протереть глаза: расположение их ног. Они были расположены в форме ромба: две посередине, одна спереди и одна под хвостом, так что животные двигались со странной раскачкой. Мэри ужасно захотелось увидеть скелет и понять, как работает такая конструкция.

А травоядные смотрели на нее нелюбопытным взглядом и не выказывали никакой тревоги. Она с удовольствием подошла бы поближе, чтобы как

следует разглядеть их, но стало очень жарко, большие деревья обещали приятную тень, и, в конце концов, спешить было некуда. Вскоре она ступила с травы на одну из тех каменных речек, которые видела сверху, – и тут ее ждала новая неожиданность.

Возможно, это был какой-то поток лавы. Подстилающий слой был темный, почти черный, а поверхность светлее, словно истертая. Гладкостью она не уступала ровным дорогам в ее мире, и шагать по ней было определенно легче, чем по траве.

По этой дороге, широкой дугой уводившей к лесу, Мэри и пошла. Чем ближе она подходила, тем больше изумлялась толщине стволов, широких, примерно как ее дом, и высоких – высоких, как... Тут даже угадать было трудно.

Она подошла к первому дереву и положила ладонь на золотисто-красную, с глубокими бороздами кору. Ноги по щиколотку утопали в коричневых скелетах листьев, длиной с ее ступню, мягких и душистых. Вскоре ее окружило облако крохотных летучих созданий и стайка колибри, подлетела желтая бабочка с размахом крыльев величиной в ее ладонь. Стоять здесь было неуютно – слишком много тварей ползало под ногами. Воздух был наполнен гудением, жужжанием, тихим стрекотом.

Она шла по роще с таким чувством, какое испытывала в соборе: тот же покой, та же устремленность вверх, то же благоговейное замирание в душе. Она добралась сюда позже, чем думала. Приближался полдень: лучи света, пробившегося сквозь листву, стояли почти вертикально. С сонным удивлением Мэри подумала: почему эти травоядные не прячутся от жары под деревьями? Но вскоре поняла.

Стало очень жарко, идти дальше не хотелось; Мэри прилетгла между корнями гигантского дерева, положив под голову рюкзак, и задремала.

Она пролежала с закрытыми глазами минут двадцать, в полусне, и вдруг очень близко раздался громкий треск, земля вздрогнула.

Потом еще раз. Мэри встревожилась, села и увидела что-то движущееся – оно оказалось круглым предметом метрового диаметра, катившимся по земле. Предмет остановился и упал набок.

Потом чуть подальше, сверху, упал другой; он ударился о толстенный корень дерева, напоминавший контрфорс, и укатился.

Подумав, что такая штука может свалиться и на нее, Мэри подхватила рюкзак и выбежала из рощи. Что это такое? Семенные коробки?

Опасливо поглядывая наверх, она рискнула вернуться под дерево и рассмотреть ближайший из этих круглых предметов. Она поставила его стоя и выкатил из рощи, а потом положила на траву и стала разглядывать.

Он был совершенно круглый, толщиной в ширину ее ладони. В центре – углубление, где он прикреплялся к ветке. Не тяжелый, но чрезвычайно твердый и покрыт волокнами, лежавшими по окружности, так что в одну сторону она могла легко провести по ним рукой, а в обратную – нет. Она ковырнула поверхность ножом – нож не оставил и царапинки.

А пальцы у нее как будто стали скользкими. Понюхала: сквозь запах пыли пробивался тонкий аромат. Она снова посмотрела на семенную коробку. В центре она немного блестела, и, потрогав это место, Мэри почувствовала, что пальцы скользят по нему. Коробка выделяла какое-то масло.

Мэри положила ее на землю и задумалась о том, как здесь шла эволюция.

Если ее догадка об этих вселенных была правильна и это были множественные миры, предсказываемые квантовой теорией, тогда некоторые из них разошлись с ее вселенной намного раньше, чем другие. Здесь эволюция создала исполинские деревья и крупных животных с ромбовидным скелетом.

«До чего же узок мой научный горизонт, – подумала она. – Ни геологии, ни ботаники, ни вообще какой бы то ни было биологии – невежественна как дитя».

А потом она услышала глухой, напоминающий громовые раскаты рокот, и не могла определить его источник, пока не увидела облако пыли, движущееся по каменной дороге, – к деревьям, к ней. Оно было километрах в полтора, но двигалось довольно быстро, и она вдруг ощутила страх.

Она нырнула обратно в рощу. Нашла узкую яму между двумя гигантскими корнями и, забившись в нее, посмотрела из-за деревянного бруствера на приближающееся пыльное облако.

От увиденного у нее закружилась голова. Сперва ей показалось, что это группа мотоциклистов. Потом – что это стадо животных на колесах. Но это невозможно. У животных не бывает колес. Ей мерещится. Но ей не мерещилось.

Их было больше десятка. Примерно такой же величины, как те, что паслись на равнине, но более поджарые и серой масти, с рогами и короткими хоботами вроде слоновьих. И такое же ромбовидное строение тела, как у травоядных, но эволюционировали они иначе: на передней и задней ноге – колеса.

Однако природа не создала колес, в голове у нее мутилось; как это может быть? Нужна ось и совершенно отдельная вращающаяся ступица, это немыслимо, невозможно...

Затем, когда они остановились в каких-нибудь пятидесяти шагах и улеглась пыль, Мэри все поняла и не могла удержаться от радостного смеха.

Колесами были семенные коробки. Идеально круглые, легкие и необыкновенно твердые, они как будто специально были для этого созданы. Животные продевали когти передней и задней ноги в центр коробок, а двумя боковыми ногами отталкивались от земли. При всем своем удивлении Мэри была немного напугана: рога их выглядели ужасно острыми, и даже на таком расстоянии она не могла не увидеть, что глаза их светятся умом и любопытством.

А смотрели они на нее.

Одно из них заметило семенную коробку, которую Мэри выкатила из рощи, и подъехало к ней. Хоботом поставило коробку на ребро и откатило к своим собратьям на дорогу.

Собравшись вокруг семенной коробки, они осторожно потрогали ее своими сильными, гибкими хоботами, и Мэри услышала тихое чириканье, пощелкивание и гудки, истолковав их как неодобрение. Кто-то возился с их колесом, это нехорошо.

Потом она подумала: я пришла сюда с какой-то целью, хотя еще не понимаю ее. Не робей. Возьми на себя инициативу.

Поэтому она встала и смущенно произнесла:

– Я здесь. Это я. Я осматривала семенную коробку. Извините. Пожалуйста, не причиняйте мне вреда.

Они немедленно повернули к ней головы, подняли хоботы и уставились на нее блестящими глазами. Уши у них встали торчком.

Она вышла из своего укрытия и остановилась перед ними. Протянула руки, хотя понимала, что этот жест может показаться бессмысленным существу, лишенному рук. Но что еще она могла сделать? Она подняла рюкзак и по траве вышла на каменную дорогу.

Вблизи – в пяти шагах – она могла гораздо лучше разглядеть их тела, но внимание ее было приковано к их глазам, удивительно живым и умным. Эти существа почти так же отличались от травоядных на равнине, как человек от коровы.

Она показала на себя и произнесла:

– Мэри.

Ближайшее существо протянуло к ней хобот. Мэри подошла поближе, и оно коснулось ее груди в том месте, куда она показала пальцем. И тут Мэри услышала его голос:

– Мерри.

– Кто вы? – сказала она и услышала:

– Кто вы?

– Я человек. – Ничего лучшего ей не пришло в голову.

– Я еловек, – произнесло существо, а затем произошло нечто еще более странное: эти создания рассмеялись.

От их глаз разбежались морщинки, они помахивали хоботами, закидывали головы, и звуки, исходившие от них, несомненно, были звуками веселья. Она не могла удержаться и тоже засмеялась. Потом подошло другое существо и потрогало хоботом ее руку. Мэри протянула и другую, навстречу этому осторожному, немного колючему, пробному прикосновению:

– А, – сказала она, – вы почувствовали запах масла из семенной коробки...

– Семенно коробки, – проговорило существо.

– Если вам удастся повторять за мной слова, мы когда-нибудь, наверное, сможем общаться. Уж не знаю, как. Мэри, – повторила она, показывая на себя.

Никакого отклика. Они смотрели. Она повторила еще раз:

– Мэри.

Ближайшее существо дотронулось хоботом до своей груди и что-то сказала. Два слога или три. Оно повторило слово еще раз, и теперь Мэри постаралась произнести те же звуки:

– Мулефа, – нерешительно выговорила она.

Остальные подхватили: «Мулефа», подражая ее голосу, смеясь и как будто даже поддразнивая это говорящее животное.

– Мулефа! – произнесли они еще раз, словно это была смешная шутка.

– Ну, раз вы умеете смеяться, тогда вряд ли захотите меня съесть, – сказала Мэри. С этой минуты их обращение друг с другом стало свободнее и дружелюбнее, а Мэри перестала нервничать.

И они как будто успокоились: они приехали сюда по делу, не просто катались. Мэри увидела у одного из них на спине седло или вьюк. Двое других уложили на него семенную коробку и ловкими движениями хоботов закрепили с помощью ремешков. Стоя, они опирались на боковые ноги, а на ходу меняли направление, поворачивая и переднюю ногу, и заднюю. В их движениях была сила и грация.

Одно из них подъехало к дороге и затрубило, подняв хобот. Травоядные все разом подняли головы и затрусили к ним. Подойдя, они остановились перед дорогой и терпеливо стояли, между тем как колесные существа медленно двигались между ними, трогали их, проверяли, пересчитывали.

Потом Мэри увидела, что одно из них протянуло хобот к вымени травоядного и стало доить. А потом оно подъехало к Мэри и деликатно поднесло хобот к ее рту.

Сперва она отпрянула, но в глазах существа было ожидание, поэтому она сделала шаг вперед и раскрыла губы. Существо выпустило ей в рот немного сладкого жидкого молока, подождало, пока она проглотит, дало новую порцию, потом еще и еще. Это было так разумно и любезно, что Мэри порывисто обняла голову существа и поцеловала его, почувствовав теплый пыльный запах кожи и твердость костей под сильными мускулами хобота.

Немного погодя вожак тихо затрубил, и травоядные двинулись прочь. Мулефа тоже собрались уходить. Ей было радостно, что они приняли ее, и немного грустно, что они уходят; но тут ее ожидал новый сюрприз. Одно из существ опустилось на колени и сделало какой-то знак хоботом, а другие поманили ее... Понятно: они предлагали отвезти ее, взять с собой.

Еще одна мулефа подняла ее рюкзак и закрепила на седле третьей. Мэри неуклюже забралась на спину той, что стояла на коленях, и села, не зная, где держать ноги – то ли впереди ее боковых ног, то ли сзади. И за что ухватиться?

Но так и не успела сообразить: мулефа поднялась, и вся группа двинулась по каменной дороге вместе со всадницей.

...потому что он – Уилл.

Глава восьмая

Водка

...я стал пришельцем в чужой земле.

Исход

Когда Барух умер, Бальтамос почувствовал его смерть в то же мгновение. Он громко закричал и взмыл в ночное небо над тундрой; он бил крыльями и рыдал, изливая свое горе тучам. Не скоро совладал он с собой и вернулся к Уиллу, который не спал и с ножом в руке вглядывался в сырую холодную мглу.

– Что такое? – сказал Уилл, когда рядом с ним опустился дрожащий ангел. – Опасность? Встань позади меня.

– Барух умер! – закричал Бальтамос. – Мой милый Барух умер.

– Когда? Где?

Бальтамос не мог сказать; он знал только, что половина сердца у него сторела. Он не мог оставаться на месте: снова взлетал, озирая небо, словно искал Баруха то в одной туче, то в другой, и звал его, плакал и звал; потом ему становилось стыдно, он спускался и уговаривал Уилла спрятаться, затаиться, обещал стеречь его без устали; а потом под тяжестью горя падал на землю, вспоминал все поступки Баруха, где проявлялась его доброта и доблесть, а их были тысячи, и он ни одного не забыл; и кричал, что такая душа не может погибнуть, и снова взлетал в небо, и неистово метался там, забыв об осторожности, вне себя от горя, проклиная самый воздух, облака, звезды.

В конце концов Уилл сказал:

– Бальтамос, иди сюда.

Ангел беспомощно повиновался. В сумраке тундры мальчик, дрожавший от лютого холода в своем плаще, сказал ему:

– Хватит, утихомирься. Ты же знаешь, там могут напасть на тебя, если услышат шум. С ножом я могу защитить тебя, если ты рядом, но если нападут в небе, я не смогу помочь, а если ты тоже умрешь, тогда конец всем делам. Мне надо, чтобы ты помог найти Лиру. Пожалуйста, не забывай этого. Барух был сильным – и ты будь. Прошу, будь таким, как он.

Бальтамос ответил не сразу.

– Да. Да, конечно, я должен. Ложись спать, Уилл, я буду стоять на страже, я тебя не подведу.

Уилл поверил ему; ничего другого не оставалось. И вскоре опять уснул.

Когда он проснулся, весь мокрый от росы и до костей продрогший, ангел стоял рядом. Солнце только-только поднималось и уже позолотило верхушки тростника и болотных растений. Не успел Уилл пошевелиться, как Бальтамос сказал:

– Я решил, что мне надо делать. Я буду находиться при тебе днем и ночью, охотно и с радостью, ради Баруха. Я проведу тебя к Лире, если смогу, а потом вас обоих провожу к лорду Азриэлу. Я прожил тысячи лет и, если меня не убьют, проживу еще много тысяч; но я никогда не встречал такой души, как Барух, – никто не вселял в меня такого горячего желания делать добро, быть добрым. Много раз я оказывался недостойным, но всякое мое

прегрешение искупалось его добротой. Теперь его нет, я должен стараться сам. Наверное, я не всегда смогу быть на высоте, но все равно постараюсь.

– Тогда Барух гордился бы тобой, – дрожа, ответил Уилл.

– Полететь мне вперед, посмотреть, куда мы попали?

– Да. Лети высоко и расскажи мне, что там впереди. Похоже, этим болотам не будет конца.

Бальтамос поднялся в воздух. Он не высказал Уиллу всех своих опасений – не хотел его волновать; но он знал, что у ангела Метатрона, Регента, от которого они едва спаслись, лицо Уилла накрепко засело в памяти – и не только лицо, но и все, что способны увидеть ангелы, включая ту часть его существа, которую Лира назвала бы его деймоном. Теперь Метатрон представлял для него большую опасность, и когда-нибудь Бальтамос должен будет сказать ему об этом; но не сейчас. Это слишком трудно. Решив, что он быстрее согреется ходьбой, чем если будет собирать топливо и ждать, пока разгорится костер, Уилл вскинул на спину рюкзак, поплотнее закутался в плащ и двинулся на юг. Тут была тропинка, грязная, изрытая, в колдобинах, – видно, люди когда-то здесь ходили. Но плоский горизонт был так далек со всех сторон, что Уиллу казалось, будто он топчется на месте.

Через какое-то время, когда посветлело, рядом раздался голос Бальтамоса:

– В полудне пути отсюда – широкая река и город с пристанью. Я летел высоко и видел реку на большом протяжении, она течет с юга на север. Если бы устроиться на судно, ты бы двигался быстрее.

– Отлично, – с энтузиазмом отозвался Уилл. – Эта дорожка ведет к городу?

– Она проходит через деревню с церковью, фермами и фруктовыми садами, а дальше – к городу.

– Интересно, на каком языке тут говорят? Надеюсь, меня не посадят в тюрьму, если я не понимаю по-ихнему.

– Я буду твоим деймоном, – сказал Бальтамос, – и буду переводить тебе. Я освоил много человеческих языков; наверняка пойму и тот, на котором здесь говорят.

Уилл пошел дальше. Дорога была трудная и однообразная, но, по крайней мере, он двигался, и каждый шаг приближал его к Лире.

Деревня оказалась захудалой: горстка изб и огороженные выпасы с северными оленями и собаками, залаявшими при его приближении. Из жестяных труб шел дым и низко стлался над драночными крышами. Земля была топкая, нога вязла – по-видимому, здесь недавно было наводнение, и стены до уровня середины дверей хранили следы ила, а поломанные деревянные балки и оторванные листы рифленого железа указывали на места смытых веранд, сараев и других надворных строений.

Но не это было самым странным в деревне. Сперва он подумал, что у него помутилось в голове, и даже раз или два споткнулся: дома стояли не вертикально, а наклонившись на несколько градусов, причем все – в одну сторону. Купол церквушки треснул. Или тут было землетрясение?

Собаки иступленно лаяли, но не осмеливались подойти. Бальтамос, войдя в роль деймона, принял вид большого белого косматого пса с черными глазами и, завернув хвост кренделем, рычал так свирепо, что настоящие собаки

держались поодаль. Они были тощие и облезлые, а олени тоже в каких-то колтунах и вялые.

Уилл остановился посреди деревеньки и стал оглядываться, не зная, куда идти дальше. Пока он стоял, появились несколько мужчин, тоже остановились и уставились на него. Это были первые люди, которых он увидел в мире Лиры. Одеты они были в тяжелые меховые шубы, грязные сапоги, меховые шапки и глядели недружелюбно.

Белый пес превратился в воробья и сел на плечо Уилла. Местные и глазом не моргнули: у всех тут, понял Уилл, есть демоны, по большей части собаки – такой уж это мир. Бальтамос у него на плече шепнул:

– Иди вперед. Не смотри им в глаза. Опusti голову. Так будет вежливо.

Уилл пошел дальше. Он умел вести себя незаметно; это был его главный талант, и, пока он шел к ним, люди потеряли к нему всякий интерес. Но потом открылась дверь самого большого дома на дороге, и человек что-то громко сказал. Бальтамос шепнул:

– Священник. Прояви уважение. Стань к нему лицом и поклонись.

Уилл так и сделал. Священник был громадный седобородый мужчина в черной рясе, и на плече у него сидел демон – ворона. Быстрые внимательные глаза священника пробежали по лицу Уилла и по всей фигуре. Он поманил его к себе.

Уилл подошел к двери и снова поклонился.

Священник что-то сказал, и Бальтамос перевел вполголоса:

– Он спрашивает, откуда ты идешь. Отвечай, что хочешь.

– Я говорю по-английски, – медленно и отчетливо произнес Уилл. – Других языков не знаю.

– Англичанин! – радостно воскликнул священник уже по-английски. – Милый юноша! Добро пожаловать в наше село, наше маленькое и уже не перпендикулярное Холодное. Как тебя кличут и далеко ли держишь путь?

– Меня зовут Уилл, а иду на юг. Я потерял семью, хочу их найти.

– Тогда будь моим гостем, подкрепись, – сказал священник и, положив тяжелую руку на плечи Уилла, толкнул его в дверь.

Ворона, его демон, сильно заинтересовалась Бальтамосом.

Но ангел не ударил лицом в грязь: он сделался мышью и юркнул под рубашку Уилла, якобы от застенчивости.

Священник провел его в накуренную горницу, где на столике сбоку тихо шумел самовар.

– Как тебя зовут? Скажи еще раз.

– Уилл Парри. Но я не знаю, как вас зовут.

– Отец Семен, – сказал священник, поглаживая Уилла по плечу и подводя к стулу. – Отец – потому что я служитель Святой Церкви. Звать меня Семеном, а отца моего звали Борисом, стало быть, я Семен Борисович. А как твоего зовут?

– Джон Парри.

– Джон – это Иван. Выходит, ты Вил Иванович, а я отец Семен Борисович. Откуда ты идешь, Вил Иванович, и далеко ли направляешься?

– Я заблудился, – сказал Уилл. – Мы с родителями ехали на юг. Отец – военный и арктический исследователь, но потом что-то случилось, и мы потеряли друг друга. Поэтому я иду на юг – я знаю, что потом мы туда собирались.

Священник развел руками и сказал:

– Военный? Английский путешественник? Грязные дороги нашего Холодного века не видали таких интересных людей, но нынче, когда в мире все пошло кувырком, кто знает, – может, он завтра тут появится. А ты будь мне гостем, Вил Иванович, заночуешь у меня, будем с тобой есть и беседовать. Лидия Александровна! – крикнул он.

Молча вышла пожилая женщина. Он что-то сказал ей на своем языке, она кивнула и налила из самовара стакан горячего чая. Поставила перед Уиллом и подала блюдечко варенья с серебряной ложкой.

– Спасибо, – сказал Уилл.

– Вареньем чай подсласти, – сказал священник. – Черничное, Лидия Александровна сама варила.

Чай получился противно-сладкий, но Уилл стал понемногу отхлебывать. Священник разглядывал его, подавшись вперед, трогал его руки – не замерзли, – гладил по колену. Чтобы отвлечь его, Уилл спросил, почему наклонились дома в деревне.

– По земле трясун прошел, – сказал священник. – Все предсказано в Откровении Святого Иоанна. Реки вспять потекли... Тут рядом большая река, всегда текла в Ледовитый океан. Тысячи и тысячи лет текла, с тех пор, как Господь Бог сотворил землю, – и текла она на север аж с самых гор Центральной Азии. Но когда земля затряслась, пришел туман и наводнение, все перевернулось, и целую неделю река текла на юг, пока обратно на север не повернула. Мир вверх тормашками встал. А ты где был в это время?

– Далеко отсюда, – сказал Уилл. – Я не понял, что творится. Когда рассеялся туман, родителей не было, и я не знаю, где я сейчас. Вы сказали мне название деревни, но где это? Где мы?

– Поддай-ка мне большую книгу с нижней полки, – сказал Семен Борисович. – Сейчас покажу.

Священник подтянул свой стул к столу, лизнул палец и стал листать толстый атлас.

– Вот, – он показал грязным ногтем на точку в Сибири, далеко к востоку от Урала. Река здесь, как он и сказал, текла от северных предгорий Тибета в Арктику.

Уилл внимательно смотрел на Гималаи, но не увидел ничего похожего на карту, нарисованную Барухом.

А Семен Борисович все говорил и говорил, расспрашивал Уилла о его жизни, о родителях, о доме, и Уилл, опытный обманщик, отвечал ему вполне

подробно. Потом экономка принесла свекольный суп с черным хлебом, священник прочел длинную молитву, и принялись за еду.

– Ну, как время проведем, Вил Иванович? – сказал Семен Борисович. – Сыграем в карты или лучше поговорим?

Он налил еще стакан чая, и Уилл нерешительно его взял.

– Я не умею играть в карты, – сказал он, – я спешу, мне надо двигаться дальше. А если я выйду к реке, как вы думаете, там можно попасть на пароход, который идет на юг?

Большое лицо священника омрачилось, и он мелко перекрестился.

– В городе неладно, – сказал он. – Тут приходила сестра Лидии Александровны из города и сказала, что вверх по реке идет судно с медведями, с бронированными медведями. Они приплыли из Арктики. Ты видел на севере бронированных медведей?

Священник смотрел на Уилла испытующе, и Бальтамос шепнул, чтобы было слышно только ему: «Будь осторожен».

Уилл сразу понял, почему он сказал так: сердце у него застучало, когда Семен Борисович заговорил о медведях, ведь он уже знал о них от Леры. Лучше не выдавать своих чувств. Он сказал:

– Мы были далеко от Свальбарда, а медведи были заняты своими делами.

– Да, так я слышал, – к его облегчению, согласился священник. – Но теперь они ушли со своего острова и направляются на юг. У них пароход, а городские не хотят давать им топлива. Они боятся медведей. Да как их не бояться? Это же исчадия дьявола. Все, что с севера, – все от дьявола. Ведьмы хотя бы – дьявольское отродье! Церковь должна была давно их перебить. Ведьмы – боже упаси иметь с ними дело, слышишь, Вил Иванович? Знаешь, что они делают, когда ты в возраст войдешь? Они стараются тебя соблазнить. Все свои хитрости и уловки пустят в ход, будут соблазнять тебя своим телом, своей гладкой кожей, нежными голосами и заберут твоё семя. Ты понял меня? Высосут из тебя все, оставят одну кожуру! Отнимут у тебя будущее, твоих детей, которых ты породил бы, ничего тебе не оставят. Казнить их надо, всех до одной.

Священник протянул руку к полке позади своего стула и взял бутылку и два стаканчика.

– Теперь хочу предложить тебе немного выпить, Вил Иванович. Ты молодой, поэтому только стопку-другую. Скоро будешь взрослым, надо всякое узнавать, например, какова на вкус водка. Лидия Александровна в прошлом году собрала ягоды, а перегонка – мое дело. И вот тебе результат – единственное, на чем отец Семен Борисович сошелся с Лидией Александровной!

Он засмеялся, откупорил бутылку и наполнил стаканчики до краев. Это предисловие ужасно смутило Уилла. Что делать? Как отказать, не проявив невежливости?

– Отец Семен, – сказал он и встал, – вы очень добры, и я хотел бы побыть у вас подольше, попробовать ваш напиток и послушать вас, потому что вы интересно рассказываете. Но понимаете, я скучаю по родителям и мне не терпится их найти, так что лучше я пойду, хоть и жалко.

Бородатый священник надул губы и нахмурился, но потом пожал плечами и сказал:

– Что ж, раз надо, так надо. Но прежде чем уйдешь, ты должен выпить свою водку. Давай вместе! Возьми и – залпом.

Он опрокинул стаканчик, осушил его в один прием, после чего грузно поднялся и встал вплотную к Уиллу. В его толстых грязных пальцах стаканчик казался совсем крохотным; но он да краев был наполнен прозрачной жидкостью, и Уиллу ударил в нос острый запах спиртного, остывшего пота, пятен от еды на рясе, и его затошнило еще до того, как он сделал глоток.

– Пей, Вил Иванович! – с угрожающей сердечностью крикнул священник.

Уилл поднял стакан и без колебаний, залпом выпил обжигающую жидкость. Теперь ему предстояло сдерживать подступающую тошноту.

Но его ожидало еще одно тягостное дело. Наклонившись с высоты своего громадного роста, Семен Борисович схватил Уилла за плечи.

– Мальчик мой, – сказал он, после чего закрыл глаза и стал нараспев читать то ли молитву, то ли псалом. От него разило табаком, алкоголем и потом, а стоял он так близко, что его густая борода при каждом слове задевала лицо Уилла. Уилл задержал дыхание.

Семен Борисович крепко обнял его и поцеловал в щеки – в правую, в левую, еще раз в правую. Уилл почувствовал острые коготки Бальтамоса на своем плече и стоял смирно. Голова у него кружилась, живот схватило, но он не шевелился.

Однако всему приходит конец: священник отстранился и оттолкнул Уилла.

– Ну, с Богом, – сказал он, – иди на юг, Вил Иванович. Иди.

Уилл взял свой плащ и рюкзак и, стараясь ступать ровно, вышел за порог и зашагал по дороге, вон из деревни.

Он шел два часа, тошнота потихоньку отступала, и на смену ей пришла медленно пульсирующая боль в голове. В какой-то момент Бальтамос заставил его остановиться, положил прохладные руки ему на лоб и затылок, и боль немного утихла; однако Уилл пообещал себе больше никогда не пить водку.

К концу дня дорожка расширилась, вышла из тростников, и Уилл увидел впереди город, а за ним водный простор, такой широкий, как будто это было море.

Даже издали стало заметно, что в городе неспокойно. То и дело из-за крыш поднимался клуб дыма, а через несколько секунд долетал звук пушечного выстрела.

– Бальтамос, придется тебе опять стать деймоном. Держись рядом со мной и будь начеку.

Он вошел на окраину неопрятного городка, где дома покосились еще заметнее, чем в деревне, а наводнение оставило свои грязные следы на стенах выше его головы. Окраина была безлюдна, но по мере того как он приближался к реке, крики, вопли, винтовочная стрельба становились все громче.

Наконец он увидел людей: некоторые смотрели из окон верхних этажей, другие опасливо выглядывали из-за углов, и все взгляды были устремлены на берег, туда, где над крышами торчали шеи подъемных кранов и мачты больших судов.

Стены вздрогнули от взрыва, из окна поблизости выпало стекло. Люди попрятались, потом снова стали выглядывать, и дымный воздух огласился новыми криками.

Уилл дошел до перекрестка и увидел набережную. Когда дым и пыль частично рассеялись, показалось ржавое судно поодаль от берега; оно работало машиной, удерживаясь против течения, а на пристани вокруг большой пушки толпились люди, вооруженные винтовками и пистолетами. На глазах у Уилла пушка выстрелила – вспышка, орудие дернулось назад, и возле судна поднялся водяной столб. Уилл поднес к глазам ладонь козырьком. На судне виднелись фигуры, но... – он потерял глаза, хотя знал, чего ожидать, – фигуры были не человеческие. Это были громадные металлические создания или животные в толстой броне. На носовой части палубы вдруг вспыхнул огненный цветок, и люди испуганно закричали. Пламя с дымным хвостом оторвалось от палубы, оно взлетало все выше, приближалось, рассыпая искры, и наконец упало и разлилось возле пушки. Люди с криками бросились врассыпную – некоторые, охваченные огнем, побросались в воду, и их унесло течением. Уилл увидел рядом с собой человека, похожего на учителя, и спросил:

– Вы говорите по-английски?

– Да, да, конечно...

– Что тут происходит?

– Медведи атакуют, мы пытаемся их отбить, но это трудно, у нас всего одна пушка и...

Огнебой на судне метнул еще один ком горячей серы, и этот упал еще ближе к пушке. Сразу же раздалось три мощных взрыва – они означали, что огонь попал на снаряды. Артиллеристы отбежали, а ствол пушки бессильно опустился.

– Ох, плохо дело, – простонал сосед Уилла, – теперь не смогут стрелять...

Командир развернул судно и направил к берегу. В толпе раздались крики отчаяния; они стали еще громче, когда на палубе возник новый огненный шар, и люди с винтовками, дав несколько выстрелов, бросились наутек. Но на этот раз медведи не метнули свой снаряд, а судно, работая против течения, стало бортом к пристани.

Два матроса (люди, не медведи) спрыгнули на берег и захлестнули швартовы за тумбы; горожане встретили этих людей-предателей злобным шипением и криками. Матросы, не обратив на них внимания, побежали спускать сходни. Когда они поднимались на борт, где-то рядом с Уиллом прогремел выстрел, и один из матросов упал. Его деймон, чайка, исчез, как огонек задутый свечи.

Медведей это привело в ярость. К огнебою снова поднесли запал, повернули его в сторону берега, пылающая масса взлетела в небо и рассыпалась огненным ливнем над крышами. А наверху сходней появился медведь, размерами превосходящий всех остальных, – видение закованной в железо мощи, и пули, осыпавшие его, с визгом и звоном отлетали от брони, не оставляя на ней ни малейшей царапины.

Уилл спросил соседа:

– Почему они напали на город?

– Им нужно топливо. Но мы не хотим иметь дела с медведями. Они покинули свое королевство и плывут вверх по реке – кто знает, что у них на уме? Поэтому мы вынуждены драться. Пираты... грабители...

Огромный медведь спустился по сходням, а позади него уже струдились другие, тяжестью своей накренив судно. Уилл увидел, что люди на пристани вернулись к оружию и загоняют в казенник снаряд.

В голову ему пришла идея – он выбежал на пристань, на ничейное пространство между артиллеристами и судном.

– Стойте! – закричал он. – Не стреляйте. Дайте мне поговорить с медведем.

Наступило затишье. Все застыли в изумлении перед этим сумасшедшим. Сам медведь, уже напружившийся для броска, не двинулся с места, хотя дрожал от ярости. Могучие когти впились в настил, а черные глаза в щели стального шлема горели огнем.

– Кто ты такой? Что тебе надо? – рявкнул он по-английски, поскольку Уилл говорил на этом языке.

Люди недоуменно переглядывались, а те, кто понимал чужой язык, переводили другим.

– Я буду драться с тобой один на один, – если ты уступишь, бой должен прекратиться.

Медведь не шелохнулся. Что до толпы, то, как только до нее дошел смысл слов Уилла, она разразилась криками, издевательским смехом и улюлюканьем. Но продолжалось это недолго. Уилл невозмутимо повернулся к горожанам, обвел толпу холодным взглядом, и смех смолк. Он чувствовал, как дрожь-Бальтамос дрожит у него на плече.

Когда все стихло, он крикнул:

– Если я заставлю медведя уступить, вы продадите им топливо. Они поплывут дальше и оставят вас в покое. Соглашайтесь. Не согласитесь – они вас всех перебьют.

Он знал, что медведь-исполин стоит всего в нескольких шагах за его спиной, но не обернулся; он наблюдал за тем, как переговариваются, спорят, размахивают руками городские, и через минуту в толпе раздался голос:

– Малый! Заставь медведя согласиться!

Уилл повернулся кругом. Он сглотнул, набрал в грудь воздуха и крикнул:

– Медведь! Соглашайся. Если ты мне уступишь, бой прекратится, ты сможешь купить топливо и мирно плыть дальше.

– Невозможно! – рявкнул медведь. – Мне стыдно с тобой драться, ты слаб, как устрица без раковины. Я не могу с тобой драться.

– Верно, – согласился Уилл. Сейчас его вниманием безраздельно владело это огромное свирепое существо. – Это будет нечестное состязание. Ты весь в броне, а у меня ее нет. Ты сможешь снести мне голову одним движением

лапы. Так сделаем честнее. Дай мне часть своей брони, какую хочешь. Шлем, например. Тогда шансы немного уравниются, и тебе не стыдно будет сразиться со мной.

С рычанием, в котором смешались ненависть, гнев и презрение, медведь поднял лапу и длинным когтем отстегнул цепь, удерживавшую шлем.

Все затихло на берегу. Никто не издал ни звука, никто не пошевелился. На глазах у горожан происходило что-то невиданное, и они не могли понять, что.

Слышно было только, как плещется вода о деревянные сваи, стук судовой машины и беспокойные крики чаек над головой. Затем медведь с грохотом швырнул шлем под ноги Уиллу.

Уилл поставил рюкзак и приподнял шлем за один конец. Это стоило ему огромного труда. Шлем был сплошной, сделан из одного листа, темный, со щербинами, с прорезью для глаз наверху и массивной цепью снизу. Длинной он был с предплечье Уилла, а толщиной с большой палец.

– Так вот он каков, твой доспех. Кажется мне, он не очень крепкий. Не знаю, можно ли на него надеяться. Ну-ка, посмотрим.

Он вынул из рюкзака нож, приставил острием к передней части шлема и срезал уголок, словно масло.

– Так я и думал. – Уилл отрезал еще кусок, и еще, и за минуту шлем превратился в груды железных обрезков. Он захватил горсть, выпрямился и протянул медведю: – Это было твоей броней, – сказал он и ссыпал обрезки на кучу у своих ног, – а это – мой нож. И раз твой шлем мне не подошел, я буду драться без него. Ты готов, медведь? Я думаю, теперь мы в равных условиях. В конце концов, и я могу снести тебе голову одним ударом ножа.

Мертвая тишина. Черные глаза медведя горели, как смола, и Уилл почувствовал, как между лопаток у него потекла струйка пота.

Потом медведь покачал головой. Он сделал шаг назад.

– Слишком сильное оружие, – сказал он. – Против него не могу сражаться. Мальчик, твоя взяла.

Уилл знал, что через секунду горожане начнут свистеть, кричать и улюлюкать, поэтому, не дожидаясь, когда медведь договорит слово «взяла», он повернулся к ним и закричал первым:

– У нас был уговор. Займитесь ранеными и погасите пожар, а потом давайте топливо на судно.

Он понимал, что, пока его переведут и передадут из уст в уста его слова, пройдет несколько минут, и это помешает людям дать волю своему гневу и радости. Подействует, как защитная дамба из мешков с песком во время паводка. Медведь наблюдал за всем этим и понимал, что он делает и зачем, – понимал лучше самого Уилла, чего он добился.

Уилл спрятал нож в рюкзак и переглянулся с медведем, но на этот раз в их взгляде не было враждебности. Они подошли друг к другу, а медведи на судне принялись разбирать огнебой; к пристани подвалили другие два судна.

Горожане занялись расчисткой набережной, а несколько человек с любопытством окружили Уилла, разглядывая мальчика, который имеет такую власть над медведем. Пора было снова сделаться незаметным, и он употребил

магию, которая отводила все виды внимания от его матери и годами оберегала их обоих. Конечно, никакая это была не магия, а просто способ поведения. Он замолчал, стал двигаться вяло, смотреть тупо, и через минуту люди потеряли к нему интерес, перестали обращать на него внимание. Им просто наскучил этот тупой ребенок, они отвернулись и забыли о нем.

Но внимание медведя было не чета людскому, он видел, что происходит, и понимал, что это – еще одно оружие в арсенале Уилла. Подойдя к нему, он заговорил тихо, низким голосом, рокочущим, как судовые машины.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Уилл Парри. Ты можешь сделать себе новый шлем?

– Да. Чего ты добиваешься?

– Вы плывете вверх по реке. Я хочу плыть с вами. Мне надо в горы, а это – самый быстрый путь. Возьмете меня?

– Да. Я хочу посмотреть нож.

– Я покажу его только тому медведю, которому доверяю. Я слышал, есть один медведь, которому можно верить. Он – король медведей, друг одной девочки – ее-то я и хочу найти в горах. Ее зовут Лира Сириин, а медведя – Йорек Бирнисон.

– Я Йорек Бирнисон.

– Я так и понял, – сказал Уилл.

Судно уже принимало топливо: к нему подтягивали вагонетки, опрокидывали над спускными желобами, уголь с грохотом валился в трюм, и в воздух поднималось облако черной пыли.

Не замеченный горожанами, увлеченно подметавшими стекло и спорившими о цене на топливо, Уилл поднялся за королем медведей на борт.

Глава девятая

Вверх по реке

...и над сознанием, проплывает тень,
так туча обнимает солнце в жаркий день...

Эмили Дикинсон

– Дай посмотреть нож, – сказал Йорек Бирнисон. – Я понимаю металл. В стальном и железном для медведя нет тайн. Но такого ножа, как твой, я никогда не видел и хочу познакомиться с ним поближе.

Уилл и король-медведь сидели на передней палубе речного парохода под теплыми лучами заходящего солнца. Судно ходко двигалось против течения, в

трюме было полно угля, было вдоволь еды для Уилла, и они с Йореком присматривались друг к другу после беглого знакомства на берегу.

Уилл протянул ему нож черенком вперед, и медведь осторожно взял его. Ноготь большого пальца располагался у медведя насупротив остальных, поэтому он мог обращаться с предметами так же ловко, как люди, и сейчас вертел нож перед глазами, ставил против солнца, пробовал острие – стальное острие – на куске железа.

– Этой стороной ты резал мой шлем, – сказал он. – А другая – очень странная. Не понимаю, что это, что она может делать, как ее изготовили. Но хочу понять. Как он тебе достался?

Уилл рассказал ему почти все, умолчав только о том, что касалось его одного: о матери, о человеке, которого он убил, об отце.

– Ты дрался за него и потерял два пальца? – сказал медведь. – Покажи рану.

Уилл протянул руку. Благодаря отцовской мази обрубки быстро заживали, но кожа на них была еще очень нежная. Медведь понюхал руку.

– Кровавой мох и еще что-то, не могу определить. Кто тебе это дал?

– Один человек – он и сказал мне, что делать с ножом. Потом он умер. У него была мазь в костяной коробочке, она и залечила рану. Ведьмы тоже пробовали, только их заговоры не помогли.

– Что он велел тебе делать с ножом? – спросил Йорек Бирнисон, осторожно возвращая его Уиллу.

– Использовать в войне на стороне лорда Азриэла, – сказал Уилл. – Но сперва мне надо выручить Лиру Сирин.

– Тогда мы поможем, – сказал медведь, и сердце у Уилла радостно забилося.

За несколько дней Уилл выяснил, почему медведи собрались в Центральную Азию, так далеко от дома. После катастрофы, взломавшей границу между мирами, арктический лед начал таять, и в море появились новые течения. Лед был необходим медведям, и, поскольку пищей им служили животные, обитатели холодного моря, они понимали, что, если останутся на месте, скоро начнут вымирать от голода. Существа разумные, они решили, что им надо предпринять. Надо переселиться в те места, где снег и лед в изобилии: на самые высокие горы, которые достают до неба, далекие, на другом боку земли, но неколебимые, вечные, утопающие в снегу. Морские медведи станут горными на то время, пока мир не придет в себя.

– Так вы не на войну собрались? – спросил Уилл.

– Наши прежние враги исчезли вместе с тюленями и моржами. Встретим новых – что ж, мы умеем драться.

– Я думал, приближается большая война и она затронет всех. Вы тогда на чьей стороне воевали бы?

– На той, которая выгодна медведям. На какой же еще? Но я учитываю еще кое-кого, кроме медведей. Одного человека, который летал на воздушном шаре. Он погиб. Другая – ведьма Серафина Пеккала. Третья – девочка Лира Сирин. Так что раньше всего я буду думать о пользе медведей, потом – о

пользе девочки, ведьмы и о мести за моего убитого товарища Ли Скорсби. Вот почему мы поможем тебе спасти Лиру Сирин от этой гнусной женщины Колтер.

Он рассказал Уиллу о том, как с несколькими подданными приплыл к устью реки, нанял судно и команду, заплатив золотом, как воспользовался оттоком воды из Арктики, и несколько дней река несла их в глубь континента. Истоки ее находятся в предгорьях того самого хребта, который им нужен, и Лиру там же держат в неволе, так что все пока складывается благополучно.

Так шло время. Днем Уилл дремал на палубе, отдыхал и набирался сил, потому что был измотан до предела. Наблюдал, как меняется пейзаж, и волнистая степь сменяется невысокими травянистыми холмами, потом возвышенностью, иногда с ущельями и водопадами; а пароход все шел вверх.

Уилл из вежливости разговаривал с капитаном и командой, но, не обладая Лириной легкостью в общении с чужими, с трудом находил тему для разговора; да и они не особенно им интересовались. Для них это просто была работа, и, когда она кончится, они отбудут, не оглянувшись лишний раз; к тому же и медведи не очень-то им нравились, несмотря на золото. Уилл иностранец, им до него нет дела, лишь бы за еду платил. Вдобавок и деймон у него какой-то странный, смахивает порой на ведьмино: то он здесь, а то куда-то исчезает. Суеверные, как большинство матросов, они были только рады, что парень к ним не пристаёт.

Бальтамос, со своей стороны, старался держаться тихо. Иногда, не в силах совладать с горем, он покидал судно и реял в облаках, отыскивая лоскут неба или струйку аромата в воздухе, или падучую звезду, или атмосферный фронт, которые напомнили бы ему о том, что ему пришлось пережить вместе с Барухом. Если он и заговаривал – ночью, в темноте маленькой каюты, где спал Уилл, – то для того лишь, чтобы сообщить, насколько они продвинулись и далеко ли еще до нужной им долины и пещеры. Возможно, он думал, что Уилл ему мало сочувствует, хотя, если бы спросил его, оказалось бы, что это вовсе не так. В разговорах он становился все более краток и официален, хотя к сарказму не прибегал – выполнил, по крайней мере, это обещание.

А Йорек, как одержимый, исследовал нож. Часами разглядывал его, испытывал оба острия, сгибал, подносил к свету, трогал языком, нюхал и даже слушал, с каким звуком он рассекает воздух. Уилл не опасался ни за свой нож, потому что Йорек, несомненно, был мастером высочайшего класса; ни за самого Йорека, чьи могучие лапы действовали с таким изяществом.

В конце концов Йорек подошел к Уиллу и сказал:

– Это другое острие. Ты мне не сказал, что оно делает. Из чего оно и как действует?

– Здесь я не могу показать, – ответил Уилл, – из-за того, что судно движется. Когда остановимся, покажу.

– Я могу думать о нем, – сказал медведь, глядя на Уилла черными глазами, – но не понимаю, что я думаю. Такой странной вещи я никогда не видел.

И с обескураживающе долгим непроницаемым взглядом вернул ему нож.

Река к тому времени изменила цвет – ее воды смешались с остатками первого наводнения, хлынувшего из Арктики. Уилл заметил, что катаклизм по-разному подействовал на разные участки суши; деревни стояли по крышу в воде, и сотни бездомных людей в лодках и каноэ пытались спасти остатки имущества.

Похоже, земля здесь немного просела, поскольку река расширилась и замедлила свое течение. Капитану стало трудно находить фарватер в этом широком и мутном потоке. Воздух прогрелся, солнце в небе стояло выше, и медведям стало жарковато; некоторые из них плыли рядом с пароходом – в родной воде, забравшейся на чужбину.

Но наконец река сузилась, опять стала глубокой, и в скором времени показались горы великого Центрально-Азиатского плато. Однажды Уилл заметил на горизонте белый ободок, он потихоньку рос и рос, делился на отдельные вершины, гребни и перевалы между ними – на такой высоте, что, казалось, до них рукой подать. На самом же деле до них было далеко – просто горы были колоссальные и, приближаясь с каждым часом, заслоняли уже полнеба.

Большинство медведей никогда не видели гор, если не считать скал их острова Свальбарда, и молча смотрели на все еще далекую гигантскую грядку.

– На кого мы там будем охотиться, Йорек Бирнисон? – спросил один. – Водятся в горах тюлени? Как будем жить?

– Там снег и лед, – ответил король, – подходящий климат. И много диких животных. На какое-то время наша жизнь изменится. Но мы выживем, и, когда мир снова станет таким, каким должен быть, и Арктика снова замерзнет, мы будем живы, вернемся туда и вернем ее себе. Если бы остались там, умерли бы с голоду. Приготовьтесь к непривычному, к новой жизни, медведи.

Наступил день, когда пароход уже не мог двигаться дальше – русло сузилось и обмелело. Капитан остановил судно на дне долины, где в обычное время росла трава и горные цветы и по гравию бежала извилистая речка, а сейчас стояло озеро. Капитан заявил, что дальше идти не решается – несмотря на прилив из Арктики, тут все равно мелководье.

Поэтому они причалили на краю долины, где каменный выступ образовывал что-то вроде пирса, и высадились.

– Где мы сейчас? – спросил Уилл у капитана, плохо владевшего английским.

Капитан нашел потертую старую карту, ткнул в нее трубкой и сказал:

– Эта долина. Мы здесь. Бери ее, иди.

– Большое спасибо, – сказал Уилл и подумал, не предложить ли плату; но капитан отвернулся и наблюдал за выгрузкой.

Очень скоро три десятка медведей, все в броне, уже стояли на узкой полоске берега. Капитан выкрикнул команду, пароход тяжеломерно повернул, вышел на стрежень и дал свисток, долго отдававшийся эхом в долине.

Уилл сидел на камне, изучая карту. Если он правильно ее понимал, то долина, где, по словам ангела, держали Лиру, располагалась к юго-востоку, и кратчайший путь туда был через перевал Сунчен.

– Медведи, запомните это место, – сказал Йорек Бирнисон своим подданным. – Когда настанет время возвращаться в Арктику, мы соберемся здесь. А теперь идите кто куда хочет – охотиться, есть и жить. Не воюйте. Мы пришли сюда не для войны. Если будет угрожать война, я вас созову.

Медведи в большинстве своем одиночки и собираются вместе только по особым случаям или во время войны. Теперь перед ними лежала страна снегов, им не терпелось уйти туда и каждому самостоятельно ее исследовать.

– Ну, пошли, Уилл, – сказал Йорек Бирнисон, – найдем Лиру.

Уилл поднял рюкзак, и они пустились в путь.

Первая часть его была приятной. Солнце грело, но тень сосен и рододендронов спасала от жары, воздух был свеж и прозрачен. Шли по камням, но камни были устланы игольником и мхом, а склоны, по которым приходилось подниматься, – не очень круты. Ходьба доставляла Уиллу удовольствие. Дни, проведенные на пароходе, вынужденный отдых, восстановили его силы. Когда он встретился с Йореком, они уже были на исходе. Он этого не понимал, зато понимал медведь.

Когда они остались вдвоем, Уилл показал Йореку, как действует другое острие ножа. Он вырезал окно в окутанный паром тропический лес, откуда хлынул влажный воздух, насыщенный ароматами зелени, и смешался с чистым горным воздухом. Йорек внимательно наблюдал, трогал лапой края окна, принюхивался, а потом вошел в этот парной, жаркий мир и молча огляделся. Оттуда доносились до Уилла крики обезьян и птиц, стрекот насекомых, кваканье лягушек и беспрестанная капель конденсирующейся влаги.

Йорек вернулся, понаблюдал, как Уилл закрывает окно, попросил еще раз показать нож и рассматривал серебряное острие так внимательно, так близко подносил к морде, что Уилл испугался, не поранит ли он глаз. Йорек долго изучал нож и наконец вернул, сказав только:

– Я был прав: я не мог против него сражаться.

Они двинулись дальше, почти не разговаривая, что устраивало их обоих. Йорек Бирнисон поймал газель и большую часть съел, а самое нежное мясо оставил Уиллу, чтобы тот себе поджарил. А однажды они подошли к деревне и, пока Йорек ждал в лесу, Уилл обменял одну золотую монету на лепешку грубого хлеба, сушеные фрукты, сапоги из шкуры яка и овчинный жилет, потому что ночами становилось холодно.

Там же он спросил о долине радуг. Бальтамос помог ему, приняв вид вороны, потому что вороной был деймон человека, с которым Уилл разговаривал. Это облегчило разговор, и Уилл получил ясные и полезные указания.

Оставалось три дня пути. Они приближались к цели.

Но и другие тоже.

Отряд лорда Азриэла, эскадрилья гироптеров и дирижабль-заправщик, достигли прохода между мирами – бреши в небе над Свальбардом. Путь им предстоял очень длинный, но они летели без остановок, если не считать коротких пауз для заправки и технического обслуживания, а командир, африканский король Огунве, дважды в день связывался с базальтовой крепостью. На борту его гироптера находился галливспайн, оператор магнетитовой связи, и с его помощью король узнавал о том, что творится в других местах, так же быстро, как сам лорд Азриэл.

Новости были неутешительные. Маленькая шпионка, дама Салмакия, скрытно наблюдала, как два могущественных подразделения Церкви – Дисциплинарный Суд Консistorии и Общество Трудов Святого Духа – решили забыть разногласия и поделиться своими сведениями. У Общества был алетиметрист, более искусный и быстрый, чем брат Павел, и благодаря ему Суд Консistorии теперь точно знал, где находится Лира. Больше того: знал, что лорд Азриэл отправил отряд ей на выручку. Не теряя времени, Суд снарядил звено

дирижаблей, и в тот же день батальон Швейцарской гвардии начал грузиться на дирижабли, ожидавшие на берегу штилевого Женевского озера.

Таким образом, каждая из сторон знала, что другая тоже посылает свои силы к пещере в горах. И обе понимали, что тот, кто прилетит первым, будет иметь преимущество. Результат гонки предсказать было трудно: гироптеры лорда Азриэла летали быстрее, чем дирижабли Суда Консistorии, но лететь им предстояло дальше, и вдобавок их задерживал собственный дирижабль-заправщик.

И другое соображение: тот, кто первым захватит Лиру, на обратном пути должен будет отбиваться от вражеского отряда. Суду Консistorии было проще – в его задачу не входило доставить Лиру невредимой. Они летели, чтобы убить ее.

В гондоле дирижабля, где летел Президент Суда Консistorии, находились, неведомо для него, другие пассажиры. Кавалер Тиалис получил по магнетитовому резонатору распоряжение: ему и даме Салмакии проникнуть на борт. Когда дирижабли прилетят в долину, дама и он должны самостоятельно добраться до пещеры, где держат Лиру, и в меру своих возможностей охранять ее, пока не прибудет на выручку отряд короля Огунве. Ее безопасность – их первейшая забота.

Попасть на дирижабль было сложно и небезопасно – не в последнюю очередь из-за снаряжения, которое они вынуждены были везти с собой. Помимо магнетитового резонатора, самым важным багажом были две личинки насекомых и пища для них. Когда из них вылупятся взрослые особи, они будут больше всего похожи на стрекоз, но отнюдь не таких, каких видят люди в мире Уилла или Лир. Во-первых, они гораздо крупнее. Галливспайны выводили их очень тщательно, и у каждого клана насекомые отличались от остальных. Клан кавалера Тиалиса разводил мощных и прожорливых стрекоз в красную и желтую полоску, а в клане дамы Салмакии это были стройные и быстрые существа с ярко-синим телом, способные светиться в темноте. Каждый шпион располагал несколькими такими личинками и, кормя их по определенному графику маслом и медом, мог либо задержать их развитие, либо быстро довести до взрослого состояния. У Тиалиса и Салмакии в распоряжении было около тридцати шести часов (это зависело от ветра), чтобы вывести взрослых особей. Примерно столько времени займет полет, а насекомые должны вылупиться раньше, чем приземлятся дирижабли.

Кавалер и его спутница нашли укромный уголок за переборкой и прятались там, пока дирижабль грузили и заправляли топливом. Наконец моторы взревели, сотрясая всю легкую конструкцию, от носа до хвоста, стартовая команда отдала швартовы, и восемь воздушных кораблей поднялись в ночное небо.

Галливспайны – хотя такое сравнение они сочли бы смертельно оскорбительным – умели скрываться не хуже крыс. Сидя в своем убежище, они многое могли услышать, и каждый час связывались с лордом Роком, летевшим на гироптере короля Огунве.

Но об одном они не могли узнать в гондоле дирижабля, потому что Президент не говорил об этом, – о миссии убийцы, отца Гомеса, уже получившего отпущение греха, который ему предстояло совершить, если со своим делом не справится Суд Консistorии. Отец Гомес был где-то далеко, и ни одна душа не следила за его продвижением.

Глава десятая

Колеса

...вот, небольшое облако поднимается от моря, величиною в ладонь человеческую.

Третья книга Царств

– Да, – сказала рыжая девочка в саду покинутого казино. – Мы ее видели, я и Паоло, оба видели. Она проходила тут несколько дней назад.

Отец Гомес спросил:

– А ты помнишь, как она выглядела?

– Потная, – сказал мальчик, – все лицо мокрое.

– Сколько ей, по-вашему, лет?

– Ну... – девочка задумалась, – может, сорок или пятьдесят. Мы ее близко не видели. Может, и тридцать. Она была потная, Паоло правильно сказал, и тащила большой рюкзак, гораздо больше вашего, вот такой большой...

Паоло что-то шепнул ей, скосившись при этом на священника. Солнце светило ему в лицо.

– Ну да, – нетерпеливо сказала девочка, – знаю. Призраки. – И, повернувшись к отцу Гомесу: – Она совсем не боялась Призраков. Прошла по городу, и хоть бы хны. Никогда не видела, чтобы взрослые так себя вели. Как будто вообще про них не знала. Прямо как вы, – добавила она, глядя на него с вызовом.

– Я многого не знаю, – мягко заметил отец Гомес.

Мальчик подергал ее за рукав и опять зашептал.

– Паоло говорит, вы, наверное, хотите отобрать нож.

У отца Гомеса мурашки побежали по коже. Он вспомнил показания брата Павла на следствии в Суде Консistorии: видимо, речь о том же ноже.

– Если удастся, заберу, – сказал он. – Нож ведь отсюда?

– Из Торре дельи Анжели, – подтвердила девочка, показав на прямоугольную каменную башню, возвышавшуюся над красно-коричневыми крышами. Она зыбилась в полуденном мареве. – А мальчишка, который украл его, он убил нашего брата Туллио. Призраки с ним разделались. Если хотите убить мальчишку, очень хорошо. И девчонку – она врунья, она не лучше него.

– Здесь и девочка была? – сказал священник, стараясь не выдать своего интереса.

– Врунья, дряннь, – со злобой ответила рыжая девочка. – Мы убили бы их обоих, если бы не прилетели эти женщины...

– Ведьмы, – сказал Паоло.

– Ведьмы – мы не могли с ними драться. Они их забрали, мальчишку и девочку. Мы не знаем, куда они делись. А женщина, она пришла позже. Мы подумали, может, и у ней какой-то нож, чтобы Призраков отгонять. А может, и у вас тоже, – добавила она, задрав подбородок и дерзко глядя ему в глаза.

– У меня нет ножа, – сказал отец Гомес. – Но у меня святое дело. Может быть, оно и охраняет меня от этих... Призраков.

– Да, может быть, – сказала девочка. – В общем, если она вам нужна, она пошла на юг, к горам. Мы не знаем, куда. Но спросите любого – если проходила мимо, вам скажут, потому что похожих на нее в Чигацце нет и никогда не было. Ее легко найти.

– Спасибо, Анжелика, – сказал священник. – Храни вас Бог, дети мои.

Он надел рюкзак, вышел из сада и, довольный, зашагал по жарким безмолвным улицам.

За три дня в обществе колесных существ Мэри Малоун узнала их лучше, и они о ней много узнали.

В первое утро ее час везли по базальтовой дороге к поселку у реки, и езда была некомфортабельная: спина у мулефа оказалась твердой, держаться не за что. Они мчались с пугающей скоростью, но грохот колес на твердой дороге и топот быстрых ног вселяли бодрость и заставляли забыть о неудобствах.

За время поездки Мэри немного лучше поняла анатомию этих существ. Как и у травоядных, основу их скелета составляла ромбовидная рама, и конечности располагались по углам. Когда-то, в далеком прошлом, у их предков сформировалась такая конструкция и оказалась выгодной, подобно тому, как у далеких ползающих прашуров Мэри оказался выгодной конструкцией спинной хребет.

Базальтовая дорога пошла вниз. Постепенно склон становился круче, и мулефа смогли ехать свободным ходом, подобрав боковые ноги. Они поворачивали, наклоняясь то в одну сторону, то в другую, и мчались при этом со скоростью, от которой захватывало дух, хотя Мэри должна была признать, что ни малейшего чувства опасности при этом не ощущала. Если бы было за что держаться, она получала бы даже удовольствие.

Внизу полуторакилометрового склона стояла купа деревьев-великанов, рядом, за ровным лугом, виднелась излуцина реки, а еще дальше как будто поблескивал широкий водоем, но Мэри не стала к нему присматриваться: мулефа направлялись к поселку на берегу реки, и ее разбирало любопытство.

В поселке было двадцать или тридцать хижин, стоявших не совсем ровным кругом, – она заслонила глаза от солнца, – как будто мазанок с деревянным каркасом, крытых соломой или тростником. Там работали другие мулефа: одни чинили крыши, другие вытаскивали сеть из реки, третьи носили хворост для топки.

Итак, у них был язык, у них был огонь и у них было общество. Тут-то Мэри и обнаружила, что перестала думать о них как о существах и про себя

именует их народом. «Существа эти не люди, но они народ, – сказала она себе, – не они, а мы».

Они подъехали уже близко к поселку, жители их заметили и стали окликать друг друга, показывая на них. Ее группа замедлила ход и остановилась, Мэри встала на занемевшие ноги; зная, что позже они заболят.

– Спасибо, – сказала она своему... Кому? Коню? Велосипеду? И то и другое казалось абсурдным при виде этих ясных, дружелюбных глаз. Она остановилась на слове «друг».

Он поднял хобот и повторил:

– Патибо. – И оба весело рассмеялись.

Она сняла рюкзак с другого существа (Патибо! Патибо!) и вместе с ними сошла с базальта на утоптанную землю поселка.

И с головой окунулась в их жизнь.

За несколько дней она узнала о них так много, что почувствовала себя ребенком, впервые пришедшим в школу и ошеломленным непривычностью происходящего. Но и колесный народ дивился ей не меньше. Хотя бы ее рукам. Руки ее были объектом неутолимого любопытства: своими хоботами мулефа деликатно ощупывали каждый сустав, обследовали большие пальцы, костяшки, ногти, осторожно сгибали пальцы и с изумлением наблюдали за тем, как она поднимает рюкзак, подносит пищу ко рту, чешется, причесывается, молится.

И сами позволяли ощупывать свои хоботы. Длиной с ее руку, утолщавшиеся к основанию, они были бесконечно гибкими и вместе с тем настолько сильными, что могли, наверное, раздавить ей череп. Два похожих на пальцы выступа на конце были необыкновенно сильными, но при этом нежными; мулефа, по-видимому, могли менять тонус колеи на внутренней стороне этих пальцев – она могла становиться мягкой, как бархат, и твердой, как дерево. Поэтому они способны были выполнять и тонкую работу, например, доить травоядных, и грубую – ломать сучья.

Постепенно Мэри поняла, что хоботы служат им для общения. Движение хобота изменяло смысл звуков, так что слово, звучавшее как «чух», если оно сопровождалось движением слева направо, означало «вода»; если конец хобота заворачивался вверх, – «дождь»; если вниз – «грусть»; если же чуть дергался влево – «молодые побеги травы». Заметив это, Мэри стала подражать им, по возможности делая такие же движения рукой; мулефа же, поняв, что она разговаривает с ними, пришли в восторг.

Разговорам стоило только начаться (по большей части на их языке, хотя ей удалось научить их нескольким своим словам: они могли без особого труда сказать «патибо», «трава», «дерево», «небо», «река» и произнести ее имя), и дальше дело пошло быстрее. Себя как народ они именовали мулефа, а для индивидов было слово залиф. Мэри казалось, что между звуками залиф-он и залиф-она есть разница, но слишком тонкая и потому трудно уловимая.

Она стала все записывать, составлять словарь, но прежде чем полностью погрузиться в новую жизнь, достала свою затрепанную книжку и стебли тысячелистника и спросила у «И цзин», остаться ей здесь и заниматься этим или идти дальше и продолжать поиски?

Ответ выпал такой:

Необходимость ждать. Обладай правдой. Тогда блеск ее разовьется, и стойкость будет к счастью.

И дальше: Как гора неподвижна в себе, так и мудрый человек не позволяет своей воле бродить за границами своей ситуации.

Яснее некуда. Она отложила стебельки, закрыла книгу и только тут заметила, что вокруг стоят мулефа и наблюдают за ней.

Один сказал:

– Вопрос? Разрешить? Любопытно.

Она сказала:

– Пожалуйста. Смотрите.

Мулефа стали осторожно перекладывать палочки, как делала она, и переворачивать страницы книги. Они не переставали удивляться тому, что у нее две руки, что она может одновременно держать книгу и листать ее. Им нравилось наблюдать, как она сплетает пальцы, или ставит кулак на кулак, или трет указательным пальцем о большой – так же, как в это же самое время делала Ама, отгоняя злых духов.

Изучив стебли и книгу, они аккуратно завернули стебли в шелк и вместе с книгой положили в рюкзак. Совет Древнего Китая обрадовал ее и ободрил – согласно ему, что она больше всего хотела сейчас делать, то и должна была делать.

И с легким сердцем Мэри принялась изучать жизнь народа мулефа.

Она выяснила, что у них есть два пола и что живут они парами в постоянном браке. У потомства их долгое детство, по меньшей мере десять лет – дети растут медленно, насколько она поняла объяснения взрослых. В поселке было пятеро детей, один уже совсем большой, остальные помоложе; маленькие еще не могли пользоваться колесами из семенных коробок. Дети передвигались, как травоядные, на четырех ногах, и при всей их энергии и предприимчивости (они подбегали к Мэри и отбегали, пытались лазить по деревьям, плескались в мелкой воде и так далее) выглядели неуклюжими, словно попали не в свою стихию. По контрасту с ними быстрота, мощь и грация взрослых были поразительны, и Мэри представляла себе, как мечтает подрастающий малыш о том дне, когда он сможет надеть колеса. Она наблюдала однажды, как самый старший из них подошел к складу, где хранились семенные коробки, и попробовал продеть коготь передней ноги в центральное отверстие; но, попытавшись встать на колесо, сразу свалился, и этот звук привлек взрослого. Ребенок возился, старался высвободить ногу, повизгивал от испуга, и Мэри не могла удержаться от смеха при виде негодующего родителя и виноватого ребенка, который все же освободился в последнюю минуту и ускакал.

Очевидно было, что колеса из семенных коробок чрезвычайно важны, и очень скоро Мэри поняла, какую они представляют ценность.

Начать с того, что мулефа затрачивали много времени на уход за колесами. Ловко подняв и повернув коготь, они вытаскивали его из отверстия, а потом, держа колесо хоботом, подробнейшим образом его рассматривали, очищали наружный край, проверяли, нет ли трещин. Коготь был фантастически крепок: роговая или костяная шпора, расположенная под прямым углом к ноге и слегка изогнутая, так что вершина этой дуги, посередине, передавала вес тела на осевое отверстие колеса. Однажды Мэри видела, как залифа

обследовала отверстие переднего колеса, трогала его хоботом, поднимала хобот и опускала, будто принюхивалась.

Мэри вспомнила, как намастились ее пальцы, когда она впервые осматривала семенную коробку. С разрешения залифы она потрогала ее коготь – ничего подобного по гладкости она в своем мире не встречала. Пальцы просто не задерживались на поверхности. Коготь как будто был пропитан маслом, издававшим слабый аромат, и, понаблюдав несколько раз, как мулефа проверяют состояние своих колес и когтей, она задалась вопросом: что возникло первым – колесо или коготь? Ездок или дерево?

Впрочем, присутствовал, конечно, и третий элемент, а именно – геология. Мулефа могли воспользоваться колесами только в таком мире, который предоставил им естественные шоссе. Видимо, в минеральном составе здешней лавы было что-то такое, что позволяло ей растекаться лентами по необъятной саванне, отлично противостоять выветриванию и не трескаться. Мало-помалу Мэри начала понимать, как здесь все взаимосвязано и как всем этим распоряжаются мулефа. Они знали, где пасется какое стадо травоядных, каждую купу деревьев, каждый клочок съедобной травы, каждое животное в стаде, каждое дерево и обсуждали состояние своих дел и свою судьбу. Ей довелось увидеть, как мулефа отбраковали часть стада травоядных, отогнали в сторону и переломали им шеи своими мощными хоботами. Ничто не пропадало зря. Взяв в хоботы каменные пластины с острыми, как бритва, краями, мулефа за считанные минуты освежали и выпотрошили животных, а потом началась умелая разделка туш: нежное мясо отделялось от более грубого и костей, срезался жир, удалялись рога и копыта, и Мэри, уважавшая всякое мастерство, с удовольствием наблюдала за этой спорой работой.

Вскоре вывешены были вялиться на солнце полоски мяса, другие, пересыпанные солью, завернуты в листья; шкуры отскоблили от жира, который еще пригодится, и опустили для дубления в ямы с настоем дубовой коры. А старший ребенок в это время развлекал младших, нацепив рога и изображая травоядное. Вечером на ужин было свежее мясо, и Мэри наелась до отвала.

Так же хорошо мулефа знали, где ходит лучшая рыба, где и когда именно ставить сеть. Желая быть полезной, Мэри пошла к вязальщикам сетей и предложила свою помощь. Увидев, как они работают, не поодиночке, а парами, связывая узлы двумя хоботами, она поняла, почему они так изумляются ее рукам – она-то, конечно, могла вязать узлы сама. Сначала она подумала, что в этом ее преимущество, – ей не нужен был напарник; но потом осознала, что это отрезает ее от других. Возможно, все люди – такие индивидуалисты. С этого момента она стала работать одной рукой в паре с залифой, которая сделалась ее ближайшей подругой: пальцы и хобот двигались в одном ритме.

Но из всех даров природы, которыми пользовался колесный народ, больше всего заботы он проявлял о деревьях, дающих семенные коробки.

У этого поселка было с полдюжины рош, остальные располагались подальше и принадлежали другим группам. Каждый день в роши из поселка отправлялась партия – проверить здоровье могучих деревьев и собрать упавшие семенные коробки. Ясно было, какую пользу получают от деревьев мулефа; но была ли какая-нибудь польза деревьям от них? Мэри и это узнала. Однажды, когда она ехала с такой партией, внезапно раздался громкий треск, все остановились и окружили залифа, у которого лопнуло колесо. Каждая группа везла с собой одно или два запасных, так что залиф с лопнувшим колесом вскоре снова был на ходу; но само треснувшее колесо аккуратно завернули в ткань и потом отвезли в поселок.

Там его раскрыли и вынули все семена – светлые, плоские овалы величиной с коготь ее мизинца, и каждый тщательно осмотрели. Мулефа объяснили ей, что

семенные коробки должны постоянно подвергаться ударам на твердых дорогах, иначе они вообще не раскроются, а семена прорастают очень трудно. Без ухода деревья просто погибнут. Оба вида зависели друг от друга, и важнейшим элементом их взаимосвязи оказалось масло. Это было нелегко понять, но мулефа как будто бы объясняли, что масло определяет все их мышление и чувства; молодые не обладают мудростью старших, потому что не пользуются колесами и не поглощают масло через когти. Вот тут Мэри стала улавливать связь между жизнью мулефа и проблемой, которая занимала ее последние несколько лет.

Но сразу разобраться в этом ей не удалось (беседы с мулефа были долгими и сложными, потому что мулефа любили объяснять подробно, с уточнениями, иллюстрировать свои доводы десятками примеров, словно ничего не забывали, и все, что они узнали за свою жизнь, немедленно могло быть использовано в рассуждении) – на поселок напали.

Мэри первая увидела врагов, хотя еще не знала, что они враги.

Случилось это во второй половине дня, когда она помогала чинить крышу хижины. Мулефа строили только одноэтажные дома, лазить они не умели; а Мэри с удовольствием взбиралась на крыши и, после того как ей объяснили технику, укладывала и перевязывала тростник двумя руками намного быстрее, чем они.

Упершись ногами в стропила, она ловила связки тростника, которые ей бросали снизу, и радовалась прохладному ветерку с реки, умерявшему зной, и случайно заметила вдалеке что-то белое.

А белое это возникло над поблескивавшей поверхностью, как будто бы моря. Она поднесла к глазам ладонь и увидела в мареве один... два... больше... целую вереницу пока еще далеких белых парусов, беззвучно скользивших к устью реки.

– Мэри! – крикнул снизу залиф. – Что ты увидела!

Она не знала, как у них называется парус или лодка, и сказала: высокие, белые, много.

Залиф сразу же издал тревожный крик, и все, кто слышал его, бросили работу и устремились к центру поселка, созывая молодых. Через минуту все мулефа были готовы к бегству.

Аталь, ее подруга, крикнула:

– Мэри! Мэри! Беги! Туалали! Туалали!

Все произошло так быстро, что Мэри даже не успела двинуться с места. Белые паруса уже вошли в устье и легко двигались против течения. Мэри поразила дисциплина матросов: они меняли курс дружно, как по команде, словно стая скворцов. Идо чего же были красивы эти снежно-белые стройные паруса, разом наклонявшиеся к воде, ловившие ветер...

Их было сорок по меньшей мере, и они поднимались по реке с удивительной быстротой. Но она не увидела матросов, а потом сообразила, что это вовсе не лодки: это были гигантские птицы, а за паруса она приняла их крылья, одно спереди, одно сзади, а наклоняла и поворачивала эти паруса сила мускулов.

Остановиться и рассмотреть их не было времени, потому что они уже достигли берега и выходили на сушу. У них были лебединые шеи и клювы длиной в половину ее руки. Крылья вдвое выше ее и (она оглянулась на бегу, уже с испугом) мощные ноги: неудивительно, что они так быстро двигались в воде.

Мэри изо всех сил бежала за своими, а они, торопясь к шоссе, звали ее за собой. Аталя ждала ее и, когда Мэри вскарабкалась ей на спину, заработала ногами и помчалась вверх по склону за остальными.

Птицы, не способные передвигаться по суше так же быстро, прекратили погоню и вернулись в поселок. Они разгромили кладовые и с рычанием и храпом, задирая вверх свои жуткие клювы, заглатывали вяленое мясо, зерно и заготовленные впрок фрукты. Все съедобное исчезло в минуту.

А потом туалаци нашли склад колес и попытались расклевать семенные коробки, но это было им не под силу. А друзья Мэри в тревоге наблюдали с вершины невысокого холма, как одно колесо за другим швыряют на землю, пинают могучими ногами, скребут когтями, не причиняя семенным коробкам ни малейшего вреда. Мулефа были обеспокоены другим: несколько коробок пинками и клювами птицы отогнали к воде, и они поплыли к морю.

А потом громадные снежно-белые птицы принялись громить все, что попадалось на глаза, – крушили могучими ударами ног, дробили и растрепывали клювами. Мулефа причитали тихими голосами, бессильно наблюдая разгром.

– Я помогаю, – сказала Мэри. – Мы делаем снова.

Но мерзкие твари еще не закончили; подняв свои красивые крылья, они присели над обломками и опорожнились. Ветер донес снизу вонь; среди поломанных балок и разбросанного тростника стояли кучи и лужи черно-зеленого и коричневого помета. Потом неуклюжей чванливой походкой птицы вернулись к реке и поплыли вниз по течению к морю.

И только тогда, когда последнее белое крыло скрылось в предвечерней дымке, мулефа поехали вниз к поселку. Они были опечалены и разгневаны, но больше всего беспокоились за свой запас семенных коробок.

Из пятнадцати штук осталось всего две. Остальные, сброшенные в воду, пропали. Но на ближней излучине реки была песчаная отмель, и Мэри подумала, что какое-нибудь колесо могло там застрять. И вот, на глазах у изумленных и встревоженных мулефа, она сняла одежду, намотала на талию кусок шнура и поплыла туда. На отмели она нашла не одно, а пять драгоценных колес и, продев шнур в их размякшие центры, с трудом поплыла обратно, волоча их на буксире.

Мулефа были бесконечно признательны ей. Сами они никогда не входили в воду, рыбу ловили только с берега, опасаясь замочить ноги и колеса. Мэри была рада, что наконец-то смогла сделать для них что-то полезное.

Вечером, после скудного ужина из сладких кореньев, они рассказали ей, почему так беспокоятся из-за колес. В прежние времена было изобилие семенных коробок, природа была богата и преисполнена жизни, радостно жили и мулефа со своими деревьями. Но много лет назад что-то произошло, мир лишился благодати, потому что, сколько ни старались мулефа, сколько ни заботились о своих деревьях, как ни ухаживали за ними, – деревья умирали.

Глава одиннадцатая

Стрекозы

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

Уильям Блейк
(перевод С. Маршака)

Ама поднималась по тропинке к пещере; в мешочке за спиной она несла хлеб и молоко, а голова у нее была занята одним вопросом: как же ей все-таки добраться до спящей девочки?

Она подошла к большому камню, где женщина велела ей оставлять еду. Выложила ее, но домой не пошла: стала подниматься выше, мимо пещеры, через заросли рододендрона, туда, где деревья стояли реже и начинались радуги.

Там она со своим демоном затеяла игру: они карабкались вверх по скальным карнизам, мимо маленьких бело-зеленых водопадов, мимо водоворотов, сквозь радужную водяную пыль, так что ее волосы и ресницы и его беличий мех обрастали тысячами крохотных жемчужных капелек влаги. Игра состояла в том, чтобы добраться до верха, не вытерев глаз, а желание было большое, потому что солнечный свет начинал искриться и дробиться в глазах на лучи, красные, желтые, зеленые, синие и всех промежуточных цветов, но провести по глазам ладонью, чтобы лучше видеть, было нельзя до самой вершины, иначе игра проиграна.

Ее демон Куланг вспрыгнул на каменный выступ над маленьким водопадом, и она знала, что он сразу повернулся и смотрит на нее – не стерла ли она брызги с ресниц. Но оказалось, он не смотрел.

Он замер там и глядел вперед.

Ама вытерла глаза – удивление ее демона положило конец игре. Вскарабкавшись наверх, чтобы выглянуть за гребень, она охнула и тоже застыла. Сверху на нее смотрело невиданное существо: медведь, но огромный, страшный, вчетверо больше бурых лесных медведей, кремово-белый, с черным носом, черными глазами и когтями, длинными, как кинжалы. Он находился от нее на расстоянии вытянутой руки. Она видела каждую шерстинку на его голове.

– Кто там? – послышался мальчишеский голос, и, хотя Ама не поняла слов, смысл их ухватила сразу.

Через секунду рядом с медведем появился мальчик, грозно нахмурившийся, с упрямым подбородком. И что это за демон возле него, вроде бы птица? Но такой странной птицы она никогда не видела. Птица подлетела к Кулангу и коротко сказала:

– Друзья. Мы тебя не обидим.

Огромный белый медведь не шевелился.

– Подойди, – сказал мальчик, и его деймон снова передал ей смысл слов.

С суеверным страхом глядя на медведя, она вскарабкалась на скалу подле маленького водопада и робко остановилась. Куланг сделался бабочкой, сел ей на щеку, но тут же запорхал вокруг другого деймона, спокойно сидевшего на ладони мальчика.

– Уилл, – сказал мальчик, показывая на себя.

И она ответила:

– Ама.

Теперь она могла как следует его разглядеть, и он показался ей чуть ли не страшнее медведя; у него была ужасная рана – не хватало двух пальцев. При виде этой раны у Амы закружилась голова.

Медведь отвернулся, прошел вдоль молочного ручья и лег в воду, наверное, чтобы остыть. Деймон мальчика взлетел, порхал теперь с Кулангом среди радуг, и дети постепенно стали понимать друг друга.

И что же искали эти пришельцы, как не пещеру со спящей девочкой!

Ама обрадованно затараторила:

– Я знаю, где она! Ее усыпила женщина, говорит, что она ее мать, но никакая мать не была бы такой жестокой! Заставляет девочку что-то пить, чтобы она спала, но у меня есть травы, которые ее разбудят, – мне бы только пробраться к ней.

Уилл только качал головой и ждал, когда ему переведет Бальтамос. На это ушло больше минуты.

– Йорек, – позвал он, и медведь пошел по ручью, облизываясь, потому что только что проглотил рыбину. – Йорек, – сказал Уилл, – девочка говорит, она знает, где Лира. Я пойду с ней, посмотрю, а ты останься здесь и карауль.

Йорек Бирнисон, стоя всеми четырьмя лапами в воде, молча кивнул. Уилл спрятал рюкзак, прицепил к поясу нож и стал спускаться под радугами вместе с Амой. Он все время протирали глаза, чтобы видеть в холодной водяной пыли, куда ставит ногу.

Когда они миновали последний водопад, Ама жестами показала, что дальше надо идти осторожно, не шуметь, и Уилл стал спускаться за ней по склону, между замшелыми камнями и большими, искривленными ветром соснами, где плясали на зелени пятна света и жужжали, трещали тысячи крохотных насекомых. Они спускались все ниже и ниже, и солнечный свет провожал их в глубь долины, а над головой в ясном небе беспрерывно колыхались ветви.

Наконец Ама остановилась. Уилл подошел к толстому стволу кедра и поглядел в ту сторону, куда она показывала рукой. Сквозь гущу листвы и переплетение веток он увидел чуть выше и справа скалу...

– Миссис Колтер, – прошептал он, и сердце его учащенно забилося.

Женщина появилась из-за скалы, встряхнула ветку с листьями, бросила ее и обтерла руки. Подметала пол? Рукава у нее были засучены, а волосы перевязаны шарфом. Уилл не ожидал, что она может предстать в таком затрапезном виде.

Потом мелькнуло золото, появилась злобная обезьяна и вскочила к ней на плечо. Словно заподозрив что-то, они озирались, причем от домовитости миссис Колтер не осталось и следа.

Ама возбужденно шептала Уиллу: она боится золотого деймона, он любит отрывать крылья летучим мышам, еще живым.

– Есть с ней кто-нибудь еще? – спросил Уилл. – Солдаты или кто-нибудь такой?

Ама не знала. Она никогда не видела солдат, но в деревне говорили о непонятных и страшных людях или привидениях – по ночам их видели в горах... Но в горах всегда были привидения, об этом все знают. Так что, может быть, они не имеют никакого отношения к женщине.

Так, подумал Уилл, если Лира в пещере и миссис Колтер от нее не отходит, придется к ним заглянуть. Он сказал:

– А что у тебя за лекарство? Что с ним надо делать, если хочешь ее разбудить?

Ама объяснила.

– Где оно сейчас?

– Дома, – сказала она. – Спрятано.

– Ладно. Жди здесь, близко не подходи. Если потом встретишься с ней, не говори, что меня знаешь. Ты меня не видела и медведя тоже. Когда ты опять принесешь еду?

– За полчаса до заката, – сказал деймон Амы.

– Тогда захвати лекарство, – сказал Уилл. – Буду ждать тебя здесь.

Она растерянно смотрела ему вслед. Конечно, он не поверил тому, что она сказала про деймона-обезьяну, иначе не шел бы так беспечно к пещере.

На самом деле Уилл изрядно нервничал. Все его чувства были напряжены, он замечал мельчайших насекомых, пролетающих в солнечных лучах, слышал шорох каждого листа, видел движение облаков над головой, хотя не сводил глаз с пещеры.

– Бальтамос, – шепнул он, и ангел-деймон, краснокрылая птичка с блестящими глазами, подлетела к его плечу. – Держись ко мне поближе и следи за обезьяной.

– Тогда посмотри направо, – кратко посоветовал Бальтамос.

И Уилл увидел в жерле пещеры золотое пятно, с мордой и глазами – и глаза смотрели на него. Между ними было не больше двадцати шагов. Он остановился, а золотая обезьяна повернула голову, сказала что-то в пещеру и снова повернулась к нему.

Уилл потрогал рукоятку ножа и двинулся дальше. Когда он подошел к пещере, женщина уже ждала его.

Она свободно сидела на парусиновом стульчике с книгой на коленях и невозмутимо смотрела на него. На ней была дорожная одежда защитного цвета, но так хорошо скроенная, и так изящна была ее фигура, что это хаки казалось произведением высокой моды, а красный цветочек, приколотый к

груди, выглядел ничем не хуже самого элегантного драгоценного украшения. Волосы ее блестели, глаза сияли, а голые ноги отливали золотом в лучах заката.

Она улыбнулась. Уилл чуть не улыбнулся в ответ – ему не так-то часто доводилось видеть обворожительную мягкость в улыбках женщин, и это вывело его из равновесия.

– Ты Уилл, – обволакивающим голосом произнесла миссис Колтер.

– Откуда вы знаете мое имя? – грубо спросил он.

– Лира называет его во сне.

– Где она?

– В безопасности.

– Я хочу ее видеть.

– Тогда пойдем. – Она встала и бросила книгу на стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<https://www.litres.ru/filip-pulman/yantarnyy-teleskop/?lfrom=362673004>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Тулку – у тибетских буддистов высокий чин в иерархии, человек, в прошлой жизни бывший простым святым или божеством. – Примеч. перев.